

КАТЯ ЛУАРСКАЯ

ВТОРАЯ ЖЕНА
ГОСПОДИНА
НОРДЕНА

КНИГА ТРЕТЬЯ

Катя Луарская

Вторая жена господина Нордена. Книга 3

<https://litres.ru/74238604>

Аннотация

Если вы попали в чужой мир, где играете роль другой девушки, и уже пережили свадьбу и брачную ночь, всё равно не расслабляйтесь, ведь неизвестно, чем грозит разоблачение. Я, например, успела побывать в местной психушке и увидеть, что бывает с чересчур строптивыми попаданками. Но даже если буду вести себя смирно, неизвестно, пощадит ли меня муж, когда раскроется правда о том, кто я на самом деле.

Первая часть:

В тексте есть: ✓ Унывающая героиня ✓ Очень циничный герой ✓ Постепенное развитие отношений ✓ Много бытовых подробностей

Обложка: Александра Коломейцева (арт-студия "Нейролав")

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	36
Глава 4	45
Глава 5	64
Глава 6	87
Глава 7	108
Глава 8	122
Глава 9	132
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Глава 1

Полина

Я сделала ещё один бесшумный, как мне казалось, шаг. Ну всё, кабинет почти позади и, кажется, удалось проскочить незамеченной. Я уже собралась выдохнуть, когда из-за двери донеслось приглушённое:

— Элианна, зайдите.

Я закатила глаза. Меня ждёт очередной выговор? Ну и чем, спрашивается, прогневала господина муженька? Ложкой по тарелке с кашей вроде не стучала, посуду вымыла быстро и ставила всё аккуратно. Песни не пела, ничего не роняла, шла очень тихо. Ладно, что толку гадать? Сейчас узнаю, что опять не так. Но ясно, что позвали меня не для пылких признаний в вечной любви.

Нажав на ручку, вошла, тихо прикрыла за собой дверь и огляделась. В комнате полумрак, на столе привычно горит лампа, а сам Адриэн стоит возле книжного стеллажа и листает какую-то тонкую брошюру.

— Присядьте, — сухо сказал он, не взглянув на меня, и продолжил своё занятие.

Я прошла к дивану и, подобрав платье, села на краешек. Всё-таки, каким бы хмурым ни казался Адриэн, в его кабинете я ощущаю себя спокойно. Может, дело в атмосфере?

Здесь муж всегда собранный и сосредоточенный. Хотя что это я? Не всегда. Вчера он вполне недвусмысленно со мной флиртовал. Осторожно взглянув на его профиль, я быстро отвела глаза. Весь флирт Адриэна направлен исключительно на то, чтобы вывести меня из равновесия. Он лишь хочет потешить мужское самолюбие, не более того. Важно всегда помнить об этом.

— Как вы себя чувствуете? — Вопрос заставил вздрогнуть от неожиданности. Оказывается, книгу Адриэн уже закрыл и теперь смотрит на меня в упор.

— Хорошо, спасибо. А вы?

— Тоже хорошо, благодарю. — Он чуть приподнял углы губ в подобии улыбки. — Надеюсь, вы больше не плакали?

Я помотала головой. После нашего разговора в коридоре я и правда немного повеселела. В конце концов, Адриэн прав: никто из нас не знает, сколько лет ему отмерено. Так с чего Иния взяла, что мне пора готовиться стать вдовой? Да и вообще, с её стороны это даже бестактно.

— Вот и отлично. Итак, давайте обговорим детали нашего дальнейшего совместного проживания.

Я напряглась, а ладони мгновенно вспотели, и я скомкала в кулаке подол. Что-то мне не нравится начало беседы. Адриэн, между тем, вернулся к креслу, развернул его в мою сторону и сел.

— Сегодня последний день брачной недели, и завтра мне предстоит вернуться на службу, — начал он, подобрав со

стола ручку. — Как я уже однажды говорил, завтрак у нас подаётся в половине восьмого, обед по будням — в четверть второго. Если по каким-то причинам я обедаю не дома, предупреждаю об этом заранее. Ужин — в семь, но из-за непредсказуемости работы могу опоздать, и тогда вы вольны не ждать меня. По утрам можете вставать, когда угодно, но в таком случае завтрак вам придётся разогревать. Это понятно?

— Понятно, — кивнула я. — Может, я и лишилась памяти, но уж точно не ума.

Адриэн как-то скептически хмыкнул, повертев ручку в пальцах.

— Что же до прислуги, то пока Рэмисы любезно одолжат нам Майрию на несколько дней. Она придёт завтра к семи утра и будет в полном вашем распоряжении, когда я уйду.

— Знаю. Мэдейлин спрашивала у меня вчера, какую служанку мне бы хотелось видеть в доме. — Я принялась расправлять смятую ткань подола.

— И что же вы ответили, интересно знать? — Адриэн прищурился.

— Я не... не помню, как выбирают слуг. Поэтому просто сказала, что должна быть как можно менее заметной и не раздражать вас шумом.

— Что ж, могу вас только похвалить, — усмехнулся муж. — Вы начинаете делать успехи. Надеюсь, и с Майрией научитесь общаться так, как нужно. Не стесняйтесь давать лю-

бые указания, но и не переусердствуйте.

— Как я могу переусердствовать? — Я удивлённо вскинула брови.

— Мало ли, вдруг к вам неожиданно вернётся память вместе с прежними привычками. Кстати о памяти. Завтра я приду с работы чуть раньше, и мы с вами поедем на приём к светилу тёмного целительства, господину Артису.

По спине поползли холодные и колкие мурашки. А я-то надеялась, что Адриэн передумал.

— А что... что он будет со мной делать? — выдавила я, снова начиная комкать ткань платья.

— Понятия не имею. — Адриэн пожал плечами. — К счастью, я не был пациентом тёмных целителей, а если приходится обращаться к ним по делам следствия, о тонкостях работы они не распространяются. С господином Артисом общаться пока не доводилось, но он заведует «Сайлентисом» и к тому же знаком с Рониэлем. В его знаниях сомневаться не приходится.

Я вздрогнула, колени ослабели, а противные мурашки добрались, кажется, до самой макушки. Меня охватил самый настоящий ужас.

— «С-сайлентисом»? — пролепетала я. — Но я не... не душевнобольная!

— Вы помните про «Сайлентис»? — Адриэн насмешливо приподнял брови. — Всё-таки ваша потеря памяти очень избирательна. Даже как-то слишком.

— Мне напомнила Иси. И я не... не хочу туда ехать!

— Это решённый вопрос, Элианна. Хотите вы того или нет, завтра мы поедem в «Сайлентис» и, надеюсь, наконец узнаем, что с вами на самом деле случилось.

Горло сжалось от подступающей паники. А если они смогут понять, что я не Элианна? Да наверняка смогут! И что тогда? Может, я и останусь в этой ужасной психушке. А муж между тем невозмутимо продолжил:

— Полагаю, и для меня, и для вас самой будет лучше, если память восстановят хотя бы частично. Признаюсь, меня вовсе не прельщает перспектива каждый раз читать вам лекции по этикету или опасаться, не совершите ли вы очередной промах.

Я дёрнулась, и к лицу от возмущения прилила краска.

— Послушайте, я ведь не заставляла вас на себе жениться, — процедила я, смело глядя в лицо мужа. — Отец честно предупредил вас о том, что со мной произошло, и, полагаю, вы могли отказаться от свадьбы. И если не отказались по каким-то своим причинам, я не должна из-за этого чувствовать себя виноватой. Вы не обязаны со мной возиться и хватит уже попрекать меня прошлым.

Взгляд Адриэна становился всё более суровым, зрачки расширились, и под конец моей речи под кожу начал медленно заползать безотчётный страх.

— Вас никоим образом не касаются мотивы моих решений, — холодно проговорил он, скрестив на груди руки. —

И не вам указывать мне, чем и когда, как вы изволили выразиться, вас попрекать. После всего, что натворили, вас могла ожидать куда худшая партия. И уж если по какой-то непонятной причине вы лишились памяти, с этим нужно что-то делать, нравится вам это или нет. В частности это вопрос и вашей собственной безопасности. Человек, потерявший память, слишком уязвим.

— Но ведь я... ничего не делаю. В смысле, ничего опасного... Я всегда рядом с вами, стараюсь помалкивать и...

— Особенно успешно вы молчите сейчас, — осадил меня муж. — Я не собираюсь уговаривать вас, Элианна. Как уже сказал, наша поездка — вопрос решённый. Поэтому завтра соберите самые необходимые вещи: путь нам предстоит неблизкий.

Я снова опустила голову. Ну вот что на меня опять нашло? Разозлю Адриэна окончательно. Вот возьмёт и правда оставит меня в «Сайлентисе».

— Поняла, — пробормотала я.

— А пока можете идти.

Я поспешно вскочила с дивана: честно говоря, и самой уже хочется поскорее покинуть стены кабинета.

— Ах, да, и зайдите во флигель, проверьте, всё ли там в порядке: вчера, сами понимаете, у меня не было на это времени. И раз уж вы теперь хозяйка дома, должны знать, что находится в ваших владениях.

Адриэн развернулся, выдвинул верхний ящик стола и до-

стал оттуда связку ключей. Я на ватных ногах подошла к столу и взяла её. Мои ледяные пальцы коснулись его тёплой ладони, и я, поспешно схватив ключи, отошла на безопасное расстояние. Муж криво ухмыльнулся.

— Можете заодно составить опись вещей, — прибавил он, поймав мой взгляд. — Если хотите, конечно.

Я снова похолодела. И что ему ответить? Пожалуй, стоит попытаться схитрить.

— Не горю желанием. — Я гордо вскинула подбородок и, зажав ключи в кулаке, прошествовала к двери. Когда закрыла её за собой, показалось, что Адриэн рассмеялся. Нет, наверняка показалось: он же не умеет...

Я почти бегом добралась до своей спальни и, ввалившись туда, плотно прикрыла дверь. Смогу ли когда-нибудь привыкнуть, что все слова Адриэна, все его колкие взгляды относятся к Элианне? Со мной он ведь даже не знаком. Возможно, его раздражает, что вместо вспыльчивой, самоуверенной и своенравной невесты рядом с ним вдруг оказалась покладистая, на всё согласная, вечно смущающаяся я? Вот его настроение и скачет туда-сюда. Вчера обнимал меня, сегодня смотрит так, словно прямо сейчас готов сравнять с землёй.

Может, пойти и прямо сейчас во всём признаться, пока не поздно? Уж очень страшно ехать к тёмному целителю, да ещё в «Сайлентис», где по слухам ставят опыты над пациентами. Но с другой стороны, кто поручится, что Адриэн спо-

койно воспримет новость? Не так уж давно мы знакомы, чтобы он проникся и пожалел меня. И пощадил.

Тем более, это ведь целая проблема. Как быть с тем, что я не Элианна? Не могу же вечно оставаться заместительницей, живя под её именем. Значит, нужны какие-то местные документы. Или как они там говорили в бюро архивов? Метрические кристаллы, кажется. И как быть с семьёй Элианны? Как они воспримут новость о том, что на самом деле их дочь исчезла? Не заподозрят ли меня в пособничестве или ещё чём похуже? И окажусь я на допросе у Адриэна, вместо его дома.

Я невольно сжала кулаки, вонзив ногти в кожу. Ладно, нужно попытаться мыслить трезво. Ведь я не знаю, могут ли эти тёмные целители понять, что я самозванка. Вполне возможно, что могут. А возможно, что нет, и тогда всё обойдётся. По крайней мере, пока. И в таком случае я дам Адриэну время привыкнуть ко мне. Желательно будет почаще оказываться с ним в постели: больше-то мне нечем его завоевать. Задумчивые беседы вести не выйдет, ведь опять же придётся расколоться. Общего у нас тоже ничего, потому что мы, по сути, не знакомы, для него я — другая девушка, которую он считает взбалмошной, испорченной и, может, даже недалёкой.

Хотя... Постель тоже спорный способ добиться симпатии. Чем я могу его удивить? Он же завсегдатай борделей, и местные жрицы любви уж точно искуснее в этих делах. Да и Антон, как оказалось, был невысокого мнения о сексе со мной.

И вообще, неправильно это как-то: пытаться склонить мужика на свою сторону, предлагая ему лишь своё тело. И будет ли постель достаточным аргументом в мою пользу, когда я открою Адриэну правду? Я же по-прежнему не знаю, зачем ему жена. Но точно не для плотской любви. Так что... Сдаст он меня в психушку или посадит в тюрьму, как самозванку, и женится на ком-нибудь ещё. С чего бы ему проникаться сочувствием к какой-то там попаданке?

Горло снова сдавила паника. Ладони начало саднить, и я разжала кулаки, бездумно уставившись на полукруглые следы от ногтей на коже. Конечно, когда-нибудь придётся сказать правду. Но почему так страшно лишь от одной мысли об этом? Я никогда не была особенно смелой, а в новом мире пугает вообще всё.

Итак, что мы имеем? Возможно, сегодня мой последний день в этом доме. Возможно, уже завтра меня поселят в палате психушки или бросят в тюрьму... или темницу... или как это тут называется. И тогда точно уже не будет шанса вернуться домой. Да что там домой, вряд ли я вообще останусь в живых. Но пока, в данный конкретный момент, мне ничего не грозит, у меня есть в запасе целые сутки. Даже чуть больше. Не буду строить ненужных иллюзий и предположу худшее. Поэтому сегодняшний день надо прожить так, будто это последние часы моей жизни.

Я оттолкнулась от двери, к которой так и прижималась спиной, и прошла к столу. Отодвинула стул и не очень гра-

циозно на него плюхнулась. Плевать, на всё плевать. Надо заняться делом и отвлечься. Пока завтракала, решила сегодня осуществить то, что давно задумала: начну вести дневник и попробую вспомнить всё, что успела узнать о новом мире, особенно про правила приличия и этикет.

Ещё надо бы записать и правила «Импералиса», чтобы не забыть. Наверняка же друзья Адриэна играют каждый раз, когда собираются вместе. Если всё-таки не останусь в психушке, может, удастся заработать ещё немного денег, ведь я теперь зарабатываю азартными играми. Я невесело усмехнулась, вспомнив об этом. Звучит неутешительно. Как и фраза Адриэна про деньги на карманные расходы. Но что поделать, если женщины здесь не могут работать? Придётся привыкать к унижениям.

Вообще-то, играть в «Импералис» оказалось весело, хотя и было страшно начинать. Игра — точь-в-точь наш земной покер. Кажется, классический. А Антон, помнится, пытался объяснить мне правила «Холдема», только я мало что поняла: мне просто не очень хотелось учиться. Ну не азартный я человек.

— Ой, Поль, всё, я сдаюсь, — отмахнулся Антон после моего очередного вопроса. — Давай ты тихонько рядышком посидишь, пока мы играем? Будешь за меня болеть.

Дело было на дне рождения одного из его коллег, и я тогда почувствовала себя полной дурой, которой указали на место. Однако не спорить же при друзьях. Ну и в самом деле, поче-

му Антон должен мне всё разжёвывать? Ему хочется играть, а не возиться со мной, и это нормально. И больше я вникать не пыталась. А вот Адриэн оказался терпеливым учителем. Хотя собственный выигрыш меня скорее расстроил, чем обрадовал: не хотелось обставлять Яника, который и без того не очень ко мне расположен.

Вспоминая о вчерашнем дне, я снова начала испытывать ужас от собственного будущего. Пока мы играли в карты, ощущала себя совершенно одинокой и беспомощной. Эти люди давно знакомы, у них есть темы для разговоров, они шутят, веселятся, подкалывают друг друга. Могут обсудить новости, общих знакомых. И пусть находиться в обществе друзей мужа мне даже понравилось, пусть Адриэн при них кажется расслабленным и спокойным, общаются они друг с другом непринуждённо, шутят совсем не невинно, от души смеются. Пусть даже мои промахи их не сильно шокировали. Но вот сумею ли я когда-нибудь стать полноправным членом этой компании? Или меня всегда будет надёжно укрывать тень первой жены Адриэна, о которой ему напоминают все, ничуть не заботясь о том, что я рядом?

Я потянулась к стопке тетрадей и взяла самую верхнюю, в простой, светло-коричневой обложке. Вдохнула запах бумаги и немного успокоилась. Пусть в нашем мире сейчас бумагу вытесняют компьютеры, но мне всегда было приятнее писать от руки.

Раскрыв тетрадь, взяла ручку и открутила колпачок. Ну,

почти что наша, земная. Я занесла её над листом и зависла. Всегда страшно что-то писать на чистом листе. С чего обычно начинают дневники? Логично, что с даты. Итак, надо бы сообразить, какое сегодня число по нашему, земному календарю.

Точно помню, что наше милое «свидание» с Антоном состоялось в среду, двенадцатого июля. А сегодня понедельник... Я принялась считать, загибая пальцы. Ага, двадцать четвёртое. Замуж я, получается, вышла шестнадцатого... То есть не я, конечно. Ну да ладно, это детали.

Я опустила руку и какими-то кривыми буквами вывела: «Понедельник, двадцать четвёртое июля, Леренс». И с удивлением поняла, что при каждом нажатии сверху ручки начинает светиться маленький кристаллик. Почему-то эта вроде бы незначительная деталь меня умилила, и я улыбнулась. Побуду немного ребёнком. А что? Имею право, в последний-то день нормальной жизни...

Кстати, интересно, а какая разница во времени между нашим миром и этим? Кажется, в парк я попала около девяти вечера. Или раньше? Но в любом случае на болоте очнулась уже глубокой ночью. Хотя я ведь не знаю, сколько была в отключке. И тут меня прошиб холодный пот. Разница во времени? Да это ерунда! А что, если у нас вообще время течёт по-разному? И на Земле пройдёт год, а здесь все десять? Или наоборот? Вот вернусь я, например, через год, а все уже на десять лет старше... Мамочки, ужас какой!

Я обхватила голову руками и сильно сжала виски, пытаюсь унять очередной приступ паники. Стоп, стоп. Кто мне вообще сказал, что я вернусь домой? Я же вроде как последние сутки живу. Так, всё, возвращаемся к дневнику. Что писать дальше? Наверное, нужно рассказать обо всём, что происходило с момента попадания в другой мир. Хотя нет, начну со свидания с Антошей. Глупо, наверное, но будем считать, что мне нужно выговориться. И вдруг я когда-то в самом деле лишусь памяти? Записи пригодятся. Да и не помешает просто чем-то себя занять.

А как начать? «Дорогой дневник»? Ага. «Дорогой дневник, я попала в другой мир. Представляешь?» Ха-ха, ну точно, в детство впадаю. Ксюшка класса со второго вела дневник и даже показывала свои тетради мне. До сих пор помню, как она огромными, неуклюжими буквами писала: «Сегодня Саша кинул в меня бумажкой. Я ему точно нравлюсь!» «Бумажка» при этом была написана через «ш».

Вспомнив наши беззаботные детские годы, я с грустью вздохнула. Знала бы Ксюша, что со мной произошло, обалдела бы. Хотя, скорее всего, просто решила, что я придумываю. Ладно, хватит унывать, надо просто записать всё, что удастся вспомнить.

Глава 2

Тихий стук в дверь раздался так неожиданно, что я дёрнулась, и буква «у» обзавелась лишним хвостиком. Вот это я увлеклась!

— Элианна, если будете обедать, приходите в кухню. И будьте добры не задерживаться.

— Иду, — отозвалась я, отложила ручку и потрясла рукой. Кажется, последний раз я столько писала от руки на лекциях в университете. Но процесс так увлёл, что я совершенно потеряла счёт времени. Я крепко зажмурилась и с наслаждением потянулась.

Описывать всё произошедшее оказалась довольно занято. В подробности я, разумеется, не вдавалась, лишь вкратце перечисляла произошедшие события, но времени всё равно ушло прилично, и я даже не закончила. А ведь хотела ещё записать сведения о новом мире. После обеда, пожалуй, немного поброжу по саду и загляну во флигель, раз уж Адриэн доверил такое важное дело, а потом вернусь к записям.

Я убрала тетрадь в нижний ящик стола, встала и направилась к двери. У трюмо задержалась и оглядела себя в зеркале: вроде бы просто сидела и писала, но вид какой-то встрепанный. Кое-как пригладила волосы и приложила ладони к щекам. Наверное, надо было ещё с утра нанести макияж, но, с другой стороны, не ради муженька-язвы же стараться, в са-

мом деле. Я показала зеркалу язык и быстро вышла из комнаты.

Стоило мне появиться на пороге кухни, как меня осыпали комплиментами.

— Выглядите вы неважно. Опять рыдали в подушку? — поинтересовался Адриэн, скептически оглядывая меня. В руках он держал половник и явно собирался налить порцию супа в тарелку. Отобрать бы у него этот половник и наконец дать хорошенько по лбу. Хотя это вряд ли поможет. Да и не стоит забывать, что он, как всегда, всего лишь провоцирует меня.

— Вы просто образец воспитанности, а уж ваши комплименты достойны всяческого восхищения, — ядовито протянула я.

— Не вам рассуждать о воспитанности, пусть даже вы и пытаетесь всё списывать на потерю памяти. Воспитанный человек на приглашение должен отвечать не просто «иду», а что-то вроде: «Благодарю, сейчас буду».

— А в чём разница? — огрызнулась я, проходя к своему стулу. — И в том, и в другом случае я доношу те же сведения.

— Разница в уважительном обращении, Элианна. Вот и всё. И я намерен научить вас разговаривать со мной должным тоном.

И Адриэн отвернулся от меня, снова занявшись супом, а я, подобрав платье, устроилась за столом. Щёки снова запылали от возмущения.

— Я всё поняла, господин Адриэн, — бросила я. — Прошу простить мне тон, которым я посмела ответить на ваше учтивое приглашение. Если я могу чем-то искупить вину, только скажите.

— Если перестанете паясничать, так и быть, забуду о вашем промахе.

Ой-ой, какие мы серьёзные.

— Как вам будет угодно. Я больше слова не скажу.

— Вот и прекрасно.

Муж взял тарелку, осторожно поставил передо мной и положил рядом ложку. Ну очень мило, ничего не скажешь. Потом принёс от разделочного стола свою тарелку и тоже сел.

— Чем вы занимались всё утро? — спросил он, но я молча зачерпнула немного густого супа и осторожно подула на него. Не знаю, прилично это или нет, но обжигаться не хочется.

— Вы что, и в самом деле будете молчать?

Я снова ничего не ответила и осторожно попробовала содержимое ложки. Вкусно! Такого супчика я ещё не ела. Даже не знаю, из чего он. А может, лучше и не думать, а просто наслаждаться.

— Элианна, послушайте. Вы, конечно, очень умело притворяетесь покорной женой на людях и, наверное, мне стоит поблагодарить вас за это. Однако и когда мы остаёмся наедине, мне хотелось бы уважительного отношения. Так что будьте добры отвечать на мои вопросы, как положено воспи-

танной девушке.

А меня вдруг охватила самая настоящая злость. А что? «Сгорел сарай, гори и хата». Завтра меня так или иначе отвезут в психушку и наверняка разоблачат, поэтому могу и взбунтоваться. Напоследок.

— Вы дали понять, что мне лучше помалкивать, я это и собираюсь делать, — с вызовом взглянув на муженька, ответила я. — Вас же не устроил мой тон, так лучше я буду молчать. Не хочу нарваться на очередное чтение морали, знаете ли, господин Адриэн.

— Я задал вам вопрос, — холодно повторил муж. — И прекратите называть меня так.

— А если не прекращу? Что вы мне сделаете? Побьёте?

Адриэн отложил ложку и вздохнул так тяжело, что мне тут же стало стыдно. Отступать тоже не хотелось, раз уж начала. Но его переменчивое настроение и правда уже действует на нервы. А они потихоньку сдают.

— У меня другие способы воздействия, — спокойно сказал муж. — И лучше вам не доводить до их применения.

Ага, то есть наказание всё-таки последует? Вот это уже интересно. Прямо хочется рискнуть и посмотреть, что будет.

— Наложите на меня заклятие подчинения?

— Вполне возможно. Но есть и много других способов сделать человека покорным и вежливым.

— Они наверняка запрещены.

— Запрещены. Только никто не будет проверять. Вы моя

жена и полностью мне принадлежите: кажется, я уже напоминал вам об этом. В семейные дела никто вмешиваться не станет, даже если вы вздумаете жаловаться.

— Если пытаетесь меня запугать, то зря: я вас не боюсь. Делайте что хотите.

Адриэн устало прикрыл глаза и снова взял ложку.

— Что на вас нашло? Я ведь всего лишь спросил, чем вы занимались. И вы уже четверть часа показываете характер, вместо того чтобы просто ответить на вопрос. А ведь это тоже часть правил приличия.

— Можно подумать, вам в самом деле интересно, чем я занималась, — язвительно протянула я. Кажется, всё-таки ступила на слишком тонкий лёд.

— Поверьте, если бы мне не было интересно, я бы не спрашивал, — сухо бросил муж.

— А по-моему, вы просто хотите контролировать каждый мой шаг.

— Если бы я этого хотел, не вёл бы с вами светские беседы, а применил более действенные способы. Но заметьте: пока я просто задаю вежливые вопросы.

Так, кажется, наш разговор зашёл в тупик. И что делать? Чёрт бы побрал Адриэна с его «вежливыми вопросами»! Ну не признаваться же ему, что делала на самом деле. Перед мысленным взором пронеслось воспоминание о том, как бесцеремонно он забрал у меня дневник Элианны. А если потребует показать ему записи? А там — куча непонятных

ему букв... Никакой «Сайлентис» не понадобится: сразу же и расколет меня. На всякий случай буду прятать дневник под матрас на кровати.

— Я... размышляла, — наконец выдавила я, не найдя ничего умнее.

— О чём же?

— О разном... Например, о том, что вы рассказали мне вчера после ухода гостей. Ну, про те... запрещённые заклания. — Я произнесла это прежде, чем успела подумать.

Блин. Ну не дура ли? От отчаяния ляпнула первое, что в голову пришло. Теперь придётся выкручиваться. На лице мужа проступило такое явное удивление, что я едва удержалась от нервного смеха. Однако Адриэн тут же взял себя в руки и посерьёзnel.

— И всё-таки я хотел бы услышать правду, — бросил он и посмотрел мне прямо в глаза. Не отрываясь и не мигая. А я очень старалась не отвести взгляд раньше. Никогда не была сильна в «гляделках», но сейчас это вопрос выживания. Почти что. По спине побежала струйка холодного пота, ладони похолодели. Снова этот неконтролируемый ужас... Я попыталась отвести взгляд, но тщетно. Глаза мужа будто держали меня прикованной к стулу. Такие у него методы воздействия?

Я вжалась в спинку стула, пытаюсь уйти от зрительного контакта. Виски сдавило от боли, ещё секунда — и я точно расскажу всё, что знаю, и даже больше. Но прежде чем

я успела открыть рот, Адриэн отвёл глаза. Я прижала руки к вискам.

— Что... что вы делаете? — внезапно севшим голосом спросила я.

— Вам же было интересно, какие у меня методы воздействия. Решил кое-что вам наглядно продемонстрировать. Или я вас неправильно понял?

— Мне не интересно. Вот вообще ни капельки. — Я отняла руки от головы и снова вздёрнула подбородок. Нельзя показывать свой страх.

— И вы ещё протестуете против визита к тёмному целителю. — Адриэн недобро прищурился. — Ведёте себя странно — то помалкиваете и смущаетесь от каждого слова, то откровенно выказываете неуважение, лжёте, проявляете характер, когда для этого нет никаких причин.

— Нет причин? — возмутилась я. — А вам не приходило в голову, что на меня могут влиять перемены в вашем настроении? Ночью вы утешаете меня и вполне мило общаетесь, а с утра уже смотрите так, будто я сама навязалась вам в жёны! Это мне страшно находиться с вами рядом: мало ли, что придёт вам в голову! Вы и так уже применяете ко мне какие-то свои менталистские штучки. Может, это вас надо показать тёмному целителю из «Сайлентиса»? После всех перенесённых вами потрясений, знаете ли, легко можно сойти с ума...

Выпалив последнюю фразу, которая, казалось, разнеслась

эхом по всей кухне и продолжала звучать в ушах, я зажмурилась и снова вжалась в спинку стула. Интересно, а я успею убежать? Нет, не смогу: ноги, кажется, приросли к полу.

— Открывайте глаза, Элианна. Ничего я вам не сделаю. Если бы я обижался на все глупые колкости в свой адрес, и правда уже давно оказался бы в «Сайлентисе». А уж ваши неумелые подначки меня и вовсе забавляют. Однако я всё-таки хотел бы услышать извинения. Вы не только безобразно себя вели, но ещё и сорвали обед: суп придётся разогревать.

Я осторожно открыла глаза и посмотрела на мужа. Кажется, его мои слова и правда не задели. А если и задели, то он это отлично скрывает. Но извиняться? Виноватой я себя не чувствую.

— Вы тоже ведёте себя совсем не безупречно, однако ни разу не извинились. Пользуетесь тем, что имеете надо мной власть, и говорите любые колкости. А я, значит, должна взвешивать каждое слово? Мне не за что извиняться. Да и что толку? Вы всё равно собираетесь отвезти меня к тёмному целителю. Значит, считаете сумасшедшей, и я могу в таком случае творить всё, что хочу.

Адриэн зачерпнул немного супа, попробовал и поморщился.

— Так вот почему вы себя так ведёте? Вас так задело то, что я собираюсь показать вас тёмному целителю?

— Я просто... устала за всё извиняться, — пробормотала я: злость окончательно прошла, и теперь в душе воцарилось

полное опустошение.

— Не настаиваю, чтобы вы непременно извинились прямо сейчас. Но, надеюсь, когда вы подумаете над своим поведением, сами поймёте, что вели себя недостойно аристократки и дочери уважаемого рода.

Муж встал, взял свою тарелку и потянулся к моей, но я помотала головой.

— Оставьте, я не люблю, когда суп очень горячий.

— Как скажете.

— Между прочим, у вас ко мне вообще предвзятое отношение. И так было с самой первой нашей встречи, — попеняла я.

— На то есть вполне определённые причины, и вы это сами понимаете не хуже меня, — невозмутимо выдал Адриэн.

Я закатила глаза, но не нашлась с ответом. Муж тоже ничего больше не прибавил и вылил содержимое тарелки, к которому так и не притронулся по моей милости, в кастрюлю. Я тоже вернулась к еде, но после всего произошедшего аппетит пропал напрочь. Ела я лишь потому, что не хотела навлечь на себя очередные колкости.

Спустившись со ступеней, я глубоко вдохнула жаркий и влажный воздух и подняла голову к местному солнцу. После прохлады дома я будто нырнула в горячую ванну. По ру-

кам побежали мурашки, и я поёжилась. Мимо пролетела с громким жужжанием пчела, заставив отшатнуться. Не хватало ещё быть ужаленной и снова получить аллергию или ещё что похуже.

Я зажмурилась, давая глазам отдых: слишком уж ярко на улице по сравнению с домом. Да уж, жилище — тёмное и холодное — отражает душу хозяина. Я еле высидела обед: уходить раньше, чем закончит есть муж, тут не полагается, так что пришлось мелкими глотками пить отвар. Адриэн так и не заговорил со мной, и поставив пустую чашку на стол, холодно бросил:

— Обед окончен.

— Спасибо, было очень вкусно, — пробормотала я. — В таком случае я пойду в сад.

Муж кивнул, и я позорно ретировалась к себе. Остановилась посреди комнаты и почесала макушку. Нужно найти какой-нибудь головной убор: не хватало ещё заработать ко всем прочим неприятностям солнечный удар. Хотя, может, он отсрочил бы поездку в психушку? Ладно, мысль дурацкая. Не припомню, чтобы видела среди вещей Элианны шляпки или панамы. А вот шейные платки были, я их сложила в один из ящичков комода.

Я открыла ящик и принялась перебирать тонкие, невесомые тряпочки: ткань явно недешёвая, сшиты идеально... Я остановила выбор на бежевом платочке и, повязав его на манер банданы, осталась довольна.

«Соберите самые необходимые вещи в дорогу», — прозвучал в голове голос мужа.

Вообще-то, если не думать о «Сайлентисе», то мысль о женской сумочке со всякими мелочами не лишена смысла. Когда мы ездили в город, я всё время ощущала себя как-то неуютно без сумки. Вернее, здешние больше напоминают мешочки. Когда разбирала доставшееся мне «приданое», запихнула их в шкаф, под одежду. Пожалуй, надо и правда озаботиться этим вопросом.

Спустя несколько минут в чёрном мешочке с крохотным серебристым цветком в нижнем углу оказались расчёска, пара носовых платков, пудреница, карманное зеркальце, круглая штука, которую я определила, как пилочку для ногтей вместе с маникюрными ножницами в специальном твёрдом футляре. На всякий случай сунула и парочку заботливо собранных Иси средств женской гигиены. Ещё, пожалуй, можно сложить выигранные монеты в симпатичный кошелёчек. Ну вот, уже кое-что. Надо подумать, что можно сюда добавить.

Теперь можно идти на прогулку. Я повесила сумку на спинку стула, прихватила с комода ключи от флигеля и, стараясь не шуметь, прокралась к входной двери и наконец оказалась на свободе.

Итак, для начала надо обойти весь сад, а потом зайду во флигель. Честно признаться, жутко любопытно посмотреть на жильё Нэйлии. Вернее, бывшее жильё. В душе снова за-

скреблось чувство вины. Заметно, что проверенной временем служанки Адриэну не хватает, но он и виду не подаёт.

Я медленно двинулась по главной дорожке, шурясь от света. Скоро превращусь в вампира, который не переносит солнечный свет. Или не успею? Невесело усмехнувшись, ускорила шаг и свернула на первую попавшуюся тропинку. Над многочисленными цветами вились пчёлы, шмели и ещё какие-то насекомые. Бр-р. Хотя звуки такие летние! Эх, жаль, не удалось увидеть море. И кто знает, удастся ли теперь...

Мысли невольно вернулись к нашей с Адриэном перепалке за обедом. И что на меня нашло? Нет, можно, конечно, всё списать на разыгравшиеся перед завтрашней поездкой нервы, но если я продолжу дерзить человеку, от которого зависит моя безопасность и жизнь, долго точно не протяну и без «Сайлентиса». Судя по всему, Адриэн наглядно демонстрирует мне свои менталистские возможности, и каждый раз заходит чуть дальше. Ощущения не из приятных.

А всё из-за дурацкого дневника! Может, не такая уж и хорошая была идея начать его вести? Не вела никогда и здесь бы обошлась. И упирается всё в незнание местного языка... Но перед мужем надо и правда извиниться. Или не обязательно? Я же вроде как Элианна, и хоть иногда стоит проявлять характер.

Я дошла до большого, раскидистого куста, на котором синели крупные ягоды. Рискнуть и попробовать? Или не стоит? Вроде похоже на смородину, да и вряд ли в саду стали бы

сажать что-то ядовитое, но непонятно, как отреагирует мой иномирный организм на местные ягоды.

За дни, прожитые в новом мире, так и не придумала, как решить проблему изучения языка. Есть, конечно, метод погружения, но чтобы им воспользоваться, нужно снять кольцо. И это вообще не вариант, ведь тогда придётся сначала признаться, что я не Элианна. А я пока к этому не готова. Конечно, ещё полистаю букварь и попробую запомнить, как пишутся буквы. Но что толку, если я понятия не имею, как они произносятся, в какие звуки складываются? Все мы со школы знаем греческий алфавит, но заставь меня прочитывать хоть слово на греческом, понятное дело, не смогу.

Я провела пальцем по плотным, узким листьям куста и потрогала ягодку. Пока самым безопасным способом будет снимать колечко, когда рядом разговаривают. Но и тут нужно быть предельно осторожной и следить, чтобы разговор никоим образом не касался меня, и ко мне не обращались. Есть ещё вариант: признаться Адриэну, что забыла, как читать и писать. Однако даже если это и можно списать на потерю памяти, то для того, чтобы меня кто-то учил, опять же придётся снимать кольцо, и я не пойму, что мне говорят, и меня тоже не поймут. Короче, мы возвращаемся к тому, откуда начали рассуждения.

Вздыхнув, я почесала вспотевший под платком лоб и побрела дальше. Дошла до забора, отделявшего участок от соседнего. Хорошо, что он сплошной: не очень-то хочется

встречаться с соседями. Их, кстати, вообще не слышно: улица будто необитаема. Лишь изредка откуда-то издалека доносится собачий лай. Спальный район в прямом смысле. Я усмехнулась. Ну где ещё мог бы жить Адриэн?

Оказалось, что рядом с забором есть выложенная плиткой узкая дорожка, по которой явно можно обойтись участок по периметру. Я шла, стараясь не наступать на щели между плитками: мы так делали в детстве. В саду находиться гораздо приятнее, чем дома, но, пожалуй, с прогулкой стоило подождать до вечера, когда жара спадёт.

Под большим деревом, на котором висели самые настоящие яблоки с красными боками, обнаружился пенёк, явно предназначенный для отдыха. Полагаю, его поставили сюда те, кто ухаживал за садом. Может, прежние хозяева дома, а может, и Нэйлия. А вообще интересно, сколько лет Адриэн здесь живёт? Если я правильно понимаю, у них с первой женой был другой дом. Вроде бы он мне об этом не говорил, но чутьё подсказывает, что не стал бы он оставаться там, где всё напоминает о погибшей возлюбленной.

И всё же, зачем он женился? Зачем при друзьях играет роль, а после их ухода явно с удовольствием запирает бы меня в комнате, чтобы не мешалась под ногами и не раздражала? И как бы он, интересно, управлялся с Элианной? Она-то не стала бы покорно сносить подобное обращение. Ах, ну да, у него же свои «способы воздействия»...

Я осторожно присела на пенёк и прикрыла глаза. Надо по-

чаще гулять в саду, раз уж другие развлечения мне пока недоступны или доступны исключительно в обществе мужа. А даже если бы я и могла выйти в город, что бы я там делала? Даже карту местности смотреть бесполезно: все названия там будут написаны на местном языке.

Уперев локти в колени, обхватила обеими руками голову и шумно выдохнула. Может, всё-таки не ждать визита в психбольницу и признаться Адриэну? А там будь что будет. Или не стоит рубить с плеча? А вдруг всё обойдётся? Жизнь одна, другой не дано, и пока есть возможность, надо жить. В общем, нужно постараться пережить завтрашний день.

В душе снова чёрной волной начала расплзаться паника. Нет, надо срочно чем-то заняться. Бродить по саду приятно, но слишком много мыслей лезет в голову. И вопросов, на которые пока нет ответа. Решительно встав с пенька, я оправила платье и побрела по дорожке в сторону дома. Обошла его с той стороны, куда выходили окна кухни и обеих спален, чтобы не шататься возле кабинета Адриэна. Он любит стоять у окна, ещё прицепится.

Флигель располагался не сбоку, а позади дома, чуть выдаваясь в сторону. Дверь находилась в его задней части. Такая же, как и дверь в дом. Я выудила из кармана ключи и вставила в замочную скважину. Ключ ходит как по маслу. Дверь открылась, и из темноты на меня повеяло прохладой. Что ж, Нэйлии такое жилище тоже отлично подходило.

Я осторожно вошла и начала шарить по стене, пытаюсь

нащупать выключатель. В конце концов, клавиша обнаружилась слева, где-то на уровне плеча. Небольшая прихожая, дальше расходящийся в обе стороны узкий коридор. Сразу по левую руку, судя по всему, ванная. Или по правую? Тут тоже дверь...

Дверь справа открыла взору небольшую комнату, в центре которой стоит круглый бак, отдалённо напоминавший стиральную машину. Рядом — сложенная гладильная доска. Сверху растянуты верёвки для сушки. Ага, значит, это прачечная. И почему я никогда не задумывалась, где вообще приводится в порядок одежда? Своё бельё я успешно стирала под краном, а потом развешивала на спинке кровати, а платья пока стирать не приходилось.

За левой дверью, как я и предположила, обнаружилась ванная комната, только сама ванна была совсем маленькой: сидеть в ней явно нужно очень прямо и высоко задрав колени. Рядом уже привычный унитаз. Что ж, вполне комфортное жильё для прислуги. И главное, отдельное! Ладно, продолжим осмотр.

Напротив входа — три двери. Я пошла направо. Крайняя дверь — кухня. Маленькая, но уютная: плитка тут на две конфорки, на окнах симпатичные жёлтые занавески, круглый стол и по стене диванчик.

Рядом с кухней я заприметила ещё одну дверку. За ней оказалась кладовка. Обычные принадлежности для уборки и ящичек с инструментами, на полках — какие-то баночки и

мешочки. Может, чистящие средства или какая-нибудь отрава. А что? Нэйлия вполне потянет на ведьму. Подробно всё рассматривать я не стала. Как-нибудь в другой раз или позже. Сначала схожу в комнаты.

Пол гостиной устилал мягкий, ворсистый ковёр, и я задумалась, как они тут справляются с пылью. Ничего похожего на пылесос не видела, но с другой стороны, у них и уют тут совсем не такой, как у нас. Может, есть и аналог пылесоса. Какой-нибудь очередной хитрый кристалл. У стены — небольшой, явно удобный диванчик с массивными подлокотниками, перед ним — журнальный столик. У окна ещё один стол с выдвижными ящиками: возможно, для рукоделия. Шкаф, в котором стоят книги. Получается, они хозяйские? На стене висит бра с красным абажуром под цвет портьер на окнах — их здесь два.

Я подошла и дёрнула вниз шнурок под светильником: комната сразу приобрела очень уютный вид. При Нэйлии на окнах стояли горшки с цветами, но она забрала их с собой. А вообще с ними вид был бы ещё уютнее.

Может, попросить Адриэна разрешить мне здесь жить? Я бы и готовила себе сама, и вообще не раздражала бы его присутствием... Ну а раз убираться дамам здесь не положено, служанка могла бы приходить, пока я, скажем, гуляю в саду. Эх, мечты, мечты...

Я вздохнула, вышла из комнаты и направилась в спальню. Если не считать ванной и прачечной, это самое маленькое

помещение во всём флигеле. Такой же ковёр, как и в гостиной, платяной шкаф в левом углу и кровать. Если открыть дверцы шкафа, они почти касаются спинки кровати. Рядом с кроватью — небольшая тумбочка с лампой на ней. У окна, по другой стене, высокий комод. Такие же красные шторы. Между комодом и кроватью проход совсем узкий, протискиваться приходится боком. Над кроватью висит картина, на которой изображён закат над морем.

Я подошла к кровати и села на неё. Нет, всё-таки здесь очень здорово. А вместе с Нэйлией ещё и кошка жила. И из-за непонятной неприязни ко мне служанка лишилась такого отличного места работы... Даже любопытно, где она сейчас, и удалось ли ей найти новых хозяев.

И вдруг мне почудилось странное колебание воздуха прямо возле левой щеки. Я дёрнулась, оглядываясь. Окно закрыто, входная дверь тоже: сквозняку взяться неоткуда. Странное ощущение прошло, но теперь тепло поползло по затылку, потом перекинулось на правую щёку. Я вскочила, едва не ударившись бедром о комод. Колени подкашивались, в живот упал камень. Может, мне просто показалось? Ничего и никого не видно. А может, это чья-нибудь душа? Бр-р.

Медленно отступив к двери, я развернулась и опрометью кинулась к выходу из флигеля. Захлопнула дверь и прижалась к ней спиной. И снова поморщилась от контраста между прохладой, царившей в пристройке, и настоящей баней на улице. Медленно вдохнула и так же медленно выдохнула,

пытаясь прийти в себя. И чего так испугалась? Ну да, страшновато ощущать чьё-то присутствие, но, во-первых, мне могло просто почудиться, а во-вторых, я теперь живу в магическом мире: мало ли что тут бывает. Но удовольствие от посещения флигеля, конечно, знатно подпорчено.

Ладно, пожалуй, хватит с меня на сегодня впечатлений. Нужно вернуться домой и всё же извиниться перед Адриэном. Скажу ему, что разбиралась в ящике с нижним бельём, поэтому и не хотела признаваться. Пусть смутится, что ли. Для разнообразия. Я заперла дверь флигеля и зашагала в сторону дома.

Глава 3

Адриэн

Я отбросил в сторону ручку и поднялся из кресла, резко отодвинув его назад. Почему, когда продумывал план, совершенно не учитывал, что с женой придётся не просто жить под одной крышей, но и уживаться? Да ещё разбираться с непонятной потерей памяти, из-за которой отношение к девочке меняется по несколько раз на дню.

Меня раздражает то, какой она стала, но в каком-то смысле сам боюсь узнавать, что с ней на самом деле случилось. Запугал с самого утра, а потом ещё и с допросом привязался. И чего, спрашивается, начал расспрашивать? Видел же, что у неё на пальцах следы от ручки: значит, что-то писала. Можно было, конечно, просто заставить отвечать, как есть, но, с другой стороны, и особых причин давить на неё нет. Если Элианна пишет письма, мимо они не пройдут: отправить любую почту она сможет только через меня. А если опять ведёт дневник, так мне совершенно всё равно, что она там пишет. Завтра в любом случае станет ясно, что случилось с её памятью.

Больше настораживает другое: неужели я ошибся, и девочка всё-таки умеет читать? Или что-то вспомнила, просто молчит? Может, всё-таки надавить? Она расколется и без се-

рьёзных действий. В кухне я лишь слегка коснулся её сознания, а она едва в обморок не грохнулась от ужаса. Что уж говорить о полноценном вмешательстве. Или пока затаиться и просто наблюдать? Девчонка не знает о том, что я заметил следы от ручки, так что преимущество определённо у меня. А она пусть и дальше считает, будто я ни о чём не догадываюсь.

В щель между портьерами я проследил за тем, как она ходит по саду с серьёзным и сосредоточенным видом. Явно о чём-то думает: то нахмурится, то остановится и постоит немного. В конце концов, она ушла из поля зрения, и я вернулся к столу, где меня ждали несколько архивных дел: чужой опыт — полезная вещь. Но сосредоточиться так и не вышло, и я снова начал нервничать.

Всё-таки зря я так накинулся на девчонку за обедом. Она в чём-то права: я и правда никак не могу определиться со своим к ней отношением. А ведь ведёт она себя вполне тихо и даже покладисто. Да, иногда пытается показывать характер, но это, скорее, забавно. И мало похоже на прежнюю Элианну. И как я ни пытаюсь убедить себя, что она притворяется, не получается. Даже вздумай Азерис притвориться покорной, её не хватило бы и на сутки, не то что на неделю. Особенно, учитывая то, как с ней обращаюсь. Пожалуй, надо и правда быть помягче.

Я прошёлся от двери до окна и обратно и тут услышал щелчок замка. Что, Элианна уже нагулялась? Интересно, она

зашла во флигель? Ладно, вечером узнаю... Но тут к моему удивлению девчонка постучала в дверь кабинета.

— Войдите, — ответил я, подходя к креслу. Элианна бочком протиснулась в кабинет. Выглядит какой-то встрёпанной: раскраснелась, причёска растрепалась, в глазах застыл страх. Неужели это я её так запугал?

— Адриэн, я... хотела извиниться.

— За что же?

— Ну, за свою дерзость во время обеда. — Девчонка остановилась возле двери и по привычке сцепила руки на животе.

— Вы же понимаете, что моё неудовольствие вызвала вовсе не ваша дерзость? — Я сел в кресло и посмотрел на неё снизу вверх. — Это как раз вполне ожидаемо.

На лице Элианны промелькнуло озадаченное выражение.

— А... что же тогда?

— То, что вы лгали мне.

— Но я не лгала! — В её тоне опять появились нотки возмущения. — Я в самом деле размышляла.

Меня охватила досада. Ведь хорошо же начала, но нет, оказывается, совершенно не раскаивается и не собирается признаваться. Ладно, я ведь уже решил, что не буду её дожидать. Пусть и дальше думает, что обвела меня вокруг пальца, и гордится своей хитростью. А я понаблюдаю.

— Хорошо, будем считать, что я вам верю.

— С чего вдруг? — Элианна приподняла брови.

— А почему бы мне вам не поверить? — усмехнулся я. —

В конце концов, вы очень убедительно возмущаетесь. Значит, говорите правду.

— У вас ко мне предвзятое отношение, вот и всё. Вы так тщательно выискиваете в любых моих словах поводы для придирок, что всегда их находите. Но я устала вам что-то доказывать, поэтому проще извиниться. Да хотя бы просто за то, что я есть. За то, что потеряла память, за то, что не оправдываю ваших ожиданий.

Это прозвучало спокойно, без надрыва и обвинений. И даже без издёвки. Элианна просто озвучила факты. Я поморщился. Что-то давно забытое кольнуло в душе. Кажется, мне и в самом деле стыдно.

— Вы меня тоже извините, — сказал я, прямо взглянув ей в лицо. — Иногда я могу быть слишком... подозрительным.

Элианна широко распахнула глаза и протянула:

— Кажется, у меня проблемы не только с памятью, но и со слухом. Мне послышалось, будто вы извиняетесь. Но нет, это, конечно, не может быть правдой.

Я хмыкнул. Маленькая язва. Но уж лучше пусть упражняется в остроумии, чем изображает покорность.

— Ценю ваши попытки шутить, но вам не послышалось. Я в самом деле приношу вам извинения.

— Извинения принимаются. — Элианна вполне искренне улыбнулась. — И в таком случае вы меня тоже извините. Я не солгала, но и не сказала всей правды. Я не просто размышляла, но и решила... продолжить вести дневник. Наде-

юсь, это не запрещено?

Она с притворным смирением снова сцепила руки на животе и потупилась.

— Когда вы стоите в такой позе, напоминаете провинившуюся прислугу, а не надменную аристократку, — усмехнулся я. — Нет, вести дневник не запрещено. Однако я не понимаю, что мешало вам сразу честно сказать про это?

Девчонка разом растеряла всю кротость: скрестила руки на груди и посмотрела исподлобья.

— А сами как думаете? Вы же так бесцеремонно забрали мой старый дневник. Вот я и подумала, что вам не стоит знать.

— Пожалуй, я вправе сам решать, что мне стоит о вас знать, а что нет. Однако ваш дневник меня совершенно не интересует, поверьте. Старый, как вы изволили выразиться, имел ценность для поиска вашего... любовника. Да и, помнится, не очень-то вы сопротивлялись, когда я его забирал. Новые записи вряд ли представляют интерес. Хотя ваше явное нежелание рассказывать о дневнике вызывает интерес в него заглянуть.

— Мне нечего скрывать, — ответила девчонка, но я заметил, как она мимолётно отвела глаза.

— Охотно верю. Но, скорее, в то, что вы просто не станете записывать откровенные мысли из страха, что я прочитаю. И всё же в данный момент меня больше удивляет другое: неужели вы правда помните, как писать?

Элианна расправила плечи и вскинула подбородок. Возможно, память и правда возвращается? Или она блефует? Если это блеф, то скоро она точно станет заправской картёжницей, с таким-то талантом.

— Разумеется, я умею и писать, и читать. Это только вы почему вбили себе в голову обратное.

— Значит, вам не трудно будет сделать опись мебели во флигеле? — Я прямо посмотрел ей в глаза, и Элианна не отвела взгляд. — Вы же были там?

— Была. И сделать опись мне не трудно, но я не стану, даже не надейтесь. Просто из вредности. Вы же постоянно попрекаете меня потеряннным непростым характером. Вот я и пытаюсь вспомнить, какой была.

Ладно, пусть ещё немного потешит себя иллюзией, что победила. В конце концов, уже завтра я узнаю, что с ней случилось и куда делась память. Если она вообще её теряла, а не играла всё это время роль. Но если она правда лишилась памяти, а сейчас что-то вспоминает, тоже неплохо. Меньше работы для тёмных целителей.

— Что ж, как хотите. Я и так помню, что находится во флигеле. Всё ли там в порядке?

— Там очень уютно. — Глаза Элианны загорелись. — Я бы... очень хотела там жить. Иметь... свой уголок.

— Что, простите? — Я удивлённо вскинул брови.

— Ну, здесь мне не слишком спокойно: постоянно нужно одёргивать себя, ходить на цыпочках, бояться вас потрево-

жить или что-то испортить. А там я могла бы жить так, как хочу. Тем более, что мы с вами всё равно спим раздельно.

Я покачал головой, не веря своим ушам.

— Надеюсь, вы шутите?

— Не шучу. Согласитесь, это было бы... закономерно. Я не чувствовала бы себя здесь лишней.

— Напомню, раз уж вы забыли, что спать в разных комнатах для супругов совершенно нормально. Так живёт большинство пар в нашем кругу. Но если вас так заботит вопрос супружеских отношений, мы можем его пересмотреть. И тогда у вас не будет повода считать, будто вы здесь лишняя.

Девчонка покраснела и отвела взгляд.

— Дело не в этом... Ну то есть... вам это тоже принесло бы пользу: я не раздражала бы своим присутствием. Я же вижу, что не нужна вам как жена... по-настоящему, не в смысле постели.

— Вас это расстраивает настолько, что даже видеть меня не хотите? — Я нахмурился, но в душе заскреблось странное чувство. Неужели мне неприятно подобное предположение?

— Я просто хотела бы понять, зачем вам понадобилась, если речь не о любви и не о... супружеской близости.

— Я уже сказал, что мои мотивы вас касаться не должны. Я обеспечиваю вас всем необходимым: вы сыты, здоровы, живёте в доме с удобствами, я обращаюсь с вами уважительно, если и вы ведёте себя соответствующе. Вы вправе проводить время в женских клубах или просто найти себе занятие

по душе. Супружеской близости я тоже не требую, как и детей. Не думаю, что вам стоит считать себя несчастной, а брак — неудачным. Особенно учитывая ваше прошлое.

Элианна снова взглянула на меня, и в глазах промелькнула знакомая тоска. И как её понять?

— Я ведь не предъявляю вам претензии. Наоборот, предлагаю и вовсе скрыться с ваших глаз и не раздражать присутствием.

— Интересно, и как, по-вашему, я должен буду объяснять, почему жена живёт во флигеле, куда обычно селят прислугу? Это совершенно немыслимо. Признаюсь, меня пугает ваше самоощущение. Допустим, вы забыли какую-то часть своей жизни, но достоинство-то где потеряли?

— П-простите, я... я не помню про то, что жить во флигеле может только прислуга... — Элианна низко наклонила голову и принялась расправлять подол платья. — Мне просто пришла в голову эта идея и... понравилась. Я не подумала, как это выглядит со стороны.

В душе опять шевельнулось неуместное сочувствие, но я быстро одёрнул себя. Сочувствовать девчонке, может, и стоит, но только когда выясню, что произошло и вернётся ли она к себе прежней.

— Да вы вообще сегодня перешли все мыслимые границы, — отчеканил я. — Идите к себе и не появляйтесь здесь, пока я не позову вас ужинать. Иначе я вас накажу, и на сей раз без шуток.

Элианна, понуро повесив голову, вышла за дверь, а я откинулся на спинку кресла и шумно выдохнул. Даже не знаю, что лучше: чтобы девчонка обрела прежний непокорный нрав или пусть остаётся такой, как сейчас? Но мысли у неё, конечно, безумные. Жена хозяина дома живёт во флигеле для прислуги! Такого позора мне и не хватает для полного счастья.

Хорошо бы план сработал. Будет обидно, если все эти мучения окажутся напрасными...

Глава 4

Полина

Очутившись в своей спальне, я плотно прикрыла дверь, прижалась к ней спиной и медленно сползла на пол. Обхватила руками колени и упёрлась затылком в дверное полотно. Странно, но плакать на сей раз не хочется. В душе настолько пусто, что, кажется, там никаких чувств просто не осталось.

Впервые за всё время, проведённое в новом мире, я вдруг осознала, как тяжело жить с Адриэном. Вроде бы и раньше понимала, какой сложный у него характер, как может он ранить вроде бы простыми словами. Вроде бы внушаю себе, что всё это предназначается не мне, а Элианне. Но с другой стороны, какая разница? Какой бы ни была Элианна, единственный её грех в том, что полюбила не того парня. Наверняка она вовсе не такая ужасная, какой её пытается представить Адриэн.

Ладно, допустим, Элианна вспыльчивая, судя по обращению со служанкой. Строптивая, потому что сделала всё, чтобы не идти замуж за навязанного мужчину. Но так ли это плохо? Она боролась за счастье и сделала выбор: сбежала с тем, кого любит, хотя по законам этого мира права не имела. А есть ли выбор у меня? Пока нет. И выхода из положения не вижу: придётся пережить ещё не один такой день, выслу-

шать не один выговор, выдержать не один неласковый взгляд и волей-неволей закалять характер.

И ещё неизвестно, как Адриэн отнесётся ко мне настоящей. Может, хуже, чем к Элианне? Вдруг она ему правда нравилась? И если у Элианны в этом мире хотя бы есть родня, то я вообще отличная мишень для любых издевательств. Можно просто убить и закопать где-нибудь в саду: у меня здесь даже имени нет.

Про завтрашний день и думать не хочется... Меня коло-тила мелкая дрожь, зубы начали стучать друг о дружку, в ушах зашумело. Впрочем, завтра, возможно, как раз и появится хоть какая-то определённости. Лучше сидеть за решёткой или медленно чахнуть от тяжёлого труда на местной каторге, чем вечно жить в страхе быть разоблачённой и терпеть колкости человека, по ошибке ставшего мне мужем.

Я обхватила руками плечи, пытаюсь согреться и унять озноб. Ладно, пока нужно дописать пресловутый дневник. Правда, не знаю, зачем. Разве что ради безумной идеи: когда меня разоблачат, попрошу Адриэна как-нибудь передать его в мой мир. Вдруг это возможно? Хотя, конечно, ерунда это всё... Записи я делаю просто, чтобы убить время и не думать о будущем. Я прикрыла тяжёлые веки и уткнулась лбом в колени. Посижу ещё минут пять: уж очень не хочется подниматься. Из меня будто вытянули силы...

... Белые стены, белый потолок. Всё такое неестественно белое, что глаза слезятся, а к горлу подкатывает тошнота. Я

лежу и не могу пошевелиться: ноги и руки сводит судорогой и, кажется, я привязана к кровати. Кажется, это и есть знаменитая местная психушка? Я дёргаюсь, пытаюсь встать, но чьи-то руки давят мне на плечи, и приходится уступить.

— Не волнуйтесь, госпожа, всё самое страшное уже позади. Теперь вы — наша пациентка. Вам у нас понравится, уверяю.

Я даже не понимаю, женский это голос или мужской. Пытаюсь повернуть голову, но меня снова прижимают к кровати: хватка просто железная.

— А где мой... муж? — спрашиваю я.

— Он оставил вас здесь, под нашим присмотром, госпожа. Сказал, что ему не нужна жена-самозванка из непонятного мира, и лучше вам послужить науке.

Всё тело, и так основательно промёрзшее, обдаёт холодом, и я снова дёргаюсь в отчаянной попытке вырваться.

— Но я не... я же...

Горло сдавливают от слёз, которые я уже не могу сдерживать. Руки и ноги, кажется, совершенно затекли, хотя верёвок не чувствую. Наверное, опять магия...

— Я ничего плохого не делаю, отпустите меня, — хрипло прошу я. — Или хотя бы дайте поговорить с Адриэном...

— Сожалею, госпожа, но ваш супруг уже отбыл. Да и выбора у вас нет. Если не желаете оставаться здесь, мы передадим вас в руки стражей правопорядка. Так положено. Поверьте, у нас вам точно будет лучше.

Я уже не пытаюсь сдержать слёзы, и они льются по щекам, затекая в уши. Противное ощущение!

— Сегодня отдохнёте, а завтра начнём опыты. Даже удачно, что вы не из нашего мира: тем интереснее будет изучать ваш мозг.

Я судорожно всхлипываю и чувствую, как меня поднимают и куда-то тащат. Хочу попытаться отбиться, но руки и ноги не слушаются. Кто-то над ухом, кажется, ругается, но учитывая, что я ни слова не понимаю, на местном языке. Потом мне на виски очень осторожно ложатся чьи-то руки. Я снова пытаюсь дёрнуться, и снова безрезультатно. Кто-то опять тихо, но зло ругается, и мне постепенно становится теплее. В тело словно возвращается сила, но открывать глаза пока не хочется. Меня укрывают, и я опять проваливаюсь в сон. На сей раз без сновидений.

*

— Элианна, просыпайтесь, вам нужно поесть.

Я открыла глаза и несколько раз поморгала, соображая, где я и что происходит. Кажется, психушка мне всё-таки просто приснилась, потому что я совершенно точно лежу на кровати в доме Адриэна, не связана и даже укрыта пледом. Последнее, что помню — как сидела на полу, опираясь спиной о дверь, и пыталась прийти в себя. А потом тот жуткий сон... Повернула голову, и кровать подо мной слегка поплыла. Я снова прикрыла глаза, но перед этим успела увидеть, что рядом сидит Адриэн и очень внимательно меня разглядывает.

Вид у него какой-то встревоженный.

— Как вы себя чувствуете?

— Не... не знаю. Странно, — хрипло пробормотала я. — Голова будто кружится.

— Вы ничего не принимали? Никаких незнакомых зелий?

— Вечно будете мне припоминать тот промах? — устало спросила я и снова попыталась открыть глаза. Вроде полегче, но всё равно лучше пока не делать резких движений.

— Я лишь пытаюсь понять причину вашего самочувствия.

— Муж продолжал пристально смотреть на меня. — При-знаюсь, когда обнаружил вас лежащей на полу, подумал о худшем. Мало того, что не смог вас разбудить, так вы ещё и рыдали в три ручья.

— Я... спала на полу?

— В том-то и дело, — ответил Адриэн, поправляя на мне плед. — По всем признакам у вас недостаток силы. Я немно-го поделился с вами, но, очевидно, этого оказалось мало.

— Мне просто приснился кошмар, думаю, дело в нём. — Я кое-как приподнялась на локтях, но всё вокруг снова по-плыло.

Адриэн подался ближе и приложил ладони к моим вис-кам. По телу прокатилось уже слишком хорошо знакомое тепло.

— Я, конечно, не целитель. Всё, что могу — делиться соб-ственной силой. Но у меня есть бодрящее зелье, которое да-ёт Рониэль. Правда, без понимания причины вашего недо-

могания что-то принимать опасно. Вы точно уверены, что с вами не происходило ничего странного? Может, съели что-то в саду?

— А там есть ядовитые ягоды? — удивилась я, не открывая глаз. — Хотя я ничего не пробовала.

— Нет, конечно, ничего ядовитого в саду не растёт, но учитывая всё, что с вами успело произойти за последние несколько дней, я бы не удивился, что вы отравились съедобными ягодами.

Ага, ну вот и привычный яд в голосе прорезался. А ведь вроде как переживает за меня, но всё равно не может удержаться от колкостей. И тут в голове пронеслось воспоминание о странных ощущениях, которые я испытала во флигеле. Наверное, нужно рассказать об этом Адриэну? Или не стоит? Хотя чего мне опасаться?

— Не знаю, имеет ли это отношение к делу, — начала я, высвободив руки из-под пледа и положив их сверху. — Но... когда была во флигеле, меня будто что-то коснулось. Похожее на тёплый ветер, но плотнее... В общем, я не знаю, как объяснить...

Адриэн пробормотал себе под нос очередную неперево-димую тираду, но, кажется, испытал облегчение. Даже усмехнулся.

— Всё ясно, вас почувствовал домовый дух.

— Ч-что за... домовый дух? — Я поёжилась и снова попробовала открыть глаза. На сей раз получилось без голово-

кружения. — Это чей-то призрак?

— Только не говорите, что верите в призраков. — Адриэн насмешливо приподнял уголок губ. — Нет, конечно, это не призрак. Домовой дух — всего лишь сгусток магической энергии, которую он получает от всех жильцов дома. Об этом вы тоже забыли? И в вашем поместье, и в городском доме наверняка жили духи.

Я вяло кивнула. Наверное, жили. Какая уже разница?

— И зачем он... нужен?

— Забирает на себя отрицательную энергию, остатки чужой ауры после визита гостей или посторонних. В общем, чистит магический фон дома, к которому привязан. Но домовой дух этого дома предпочитает флигель.

— Признаюсь, я ужасно его испугалась. И почему он так отреагировал на меня?

Адриэн вздохнул: ему явно тяжело каждый раз объяснять очевидные вещи. Но и мне нужно знать как можно больше о новом мире, так что пусть терпит.

— Вы для него новый человек, и поскольку в главном доме он почти не появляется, то не мог почувствовать ваше присутствие раньше. Можно сказать, знакомился с вами. Странно только, что взял у вас столько силы, и вам стало плохо. Обычно духи берут лишь небольшое количество, поэтому человек ничего не замечает. Думаю, дело в том, что флигель опустел, и у него началось истощение. Но это всё равно не поддаётся внятному объяснению.

Адриэн задумчиво потёр подбородок, а я поёжилась. А может, дело и правда в том, что я не из этого мира? На меня всё здешнее действует как-то слишком... сильно.

— Наверное, он тоже понял, что я потеряла память, и решил меня добить, — невесело хмыкнула я, а Адриэн наоборот посерьёзnel.

— Это в самом деле очень странно.

— А есть... способ восстановить отобранную силу?

— Есть, но не думаю, что вы захотите им воспользоваться. Лучше примите зелье Эксера. Подействует не сразу, но к утру точно полностью восстановитесь.

— И всё-таки, что за способ? — Мне стало так любопытно, что я даже на локтях приподнялась, и на сей раз не упала обратно на подушку.

— Ваше неуёмное любопытство до добра не доведёт. — Муж покачал головой, но продолжил: — Речь о супружеской близости, раз уж вы так хотите знать. Так как? Предпочтёте зелье?

Щёки мгновенно залила краска, и я всё-таки позволила себе снова лечь, отвернувшись от Адриэна.

— Несите зелье, — почти шёпотом отозвалась я.

Ответом мне был ядовитый смешок, а потом муж поднялся и вышел из комнаты. Вернулся спустя минут пять, держа в руках склянку. Чёрное содержимое выглядело отталкивающе, и я поморщилась.

— Глядя на все эти зелья, поневоле задумываюсь, не про-

ще ли было бы отдать вам супружеский долг, — протянула я, но Адриэн остался невозмутим.

— Приятно хотя бы то, что я менее противен вам, чем зелье, — заметил он, откручивая пробку.

— А я никогда и не утверждала, что вы мне противны. Скорее, я вас побаиваюсь. Но точно меньше зелий. — Я демонстративно сморщила нос и села.

Адриэн наполнил мерный стаканчик наполовину и протянул мне.

— Не очень-то похоже, что вы меня побаиваетесь, — усмехнулся он.

Я приняла из его рук стаканчик и понюхала содержимое. Вроде бы никакого запаха нет. Но вид всё равно внушает опасения: нечто чёрное, густое и маслянистое. Похоже на нефть. Бр-р.

— Пейте, не бойтесь, оно почти безвкусное, — подбодрил меня Адриэн.

— Почти? — Я скептически поболтала стаканчик в руке. Однако мир вокруг снова поплыл, и я всё-таки залпом выпила зелье. И правда, почти безвкусное, разве что слегка отдаёт чем-то вроде укропа. Ну хоть не горькое, и задышаться не начинаю.

Я протянула мужу стаканчик и снова легла.

— Подействует примерно через полчаса, — сообщил Адриэн. — Пока полежите, и лучше без меня не вставайте и никуда не ходите. Я сам к вам приду и отведу в кухню.

Я кивнула, и Адриэн ушёл. И вот опять он ведёт себя непредсказуемо: весь день делал выговоры по любой мелочи, а сейчас проявил заботу и был при этом вполне милым и дружелюбным. Пару раз даже почти засмеялся. Ничего, если завтра вернусь сюда, со временем найду к нему подход. Изучу, что ему можно говорить, а что не стоит, когда он в хорошем расположении духа, а когда лучше избегать общения. Мне просто нужно время.

Я доплела косу и, поплотнее завернувшись в халат, осторожно выглянула из ванной. Вдруг Адриэн где-то поблизости: не хотелось бы предстать перед ним в таком... фривольном виде. Тем более, если вспомнить о способах восполнения силы. Коридор ожидаемо оказался пуст, и я шмыгнула в спальню, которую освещала моя новая настольная лампа. Я совсем недавно наконец закончила делать записи в дневнике. Рука, кажется, так и осталась скрюченной и болит, зато я ощущаю моральное удовлетворение.

После зелья и правда полегчало, так что я даже составила мужу компанию за ужином. Рагу из овощей оказалось весьма недурным, но съела я совсем чуть-чуть: аппетита не было. А потом мы разошлись по комнатам, и я взялась за дневник. Так и провела остаток вечера.

Часы показывали почти полночь, когда я поставила по-

следнюю на сегодня точку и отложила ручку. Спрятав тетрадь в нижний ящик стола, отправилась принять ванну. Управилась быстро, решив, что волосы, пожалуй, вымою завтра, сегодня больше ни на что уже нет сил. И вот теперь вернулась в комнату с единственным желанием: крепко уснуть и проспать как можно дольше. Желательно, без кошмарных сновидений.

Сняла с кровати покрывало, аккуратно сложила и повесила в изножье. Откинула одеяло, забралась под него и с наслаждением свернулась калачиком. В окно уже заползла ночная прохлада, так что одеяло пришлось как раз кстати. Едва я прикрыла глаза, как мысли начали путаться.

Уже засыпая, почувствовала тёплое прикосновение. Кто это? Неужели опять Адриэн? Или мне уже снится сон? Выяснить сил нет. Да и какая разница...

...Стою посреди огромного поля. Вокруг шелестят огромные, выше меня, травы и колосья. Сверху нещадно припекает солнце, причём греет, кажется, только одну щёку. Воздух наполняют ароматы травы и цветов. Вон там, среди травы, радужные соцветия, которые мы с Иси видели на озере возле поместья Азерисов...

Наклоняюсь и осторожно трогаю нежные лепестки, которые начинают переливаться, будто драгоценные камни. Надо же, не помню, чтобы на озере цветок вёл себя так же... Выпрямляюсь и вытираю пот со лба рукавом платья: почему-то оно вовсе не лёгкое и летнее, а плотное, явно шерстя-

ное. Ничего удивительного, что мне так жарко. Поднимаю голову и щурюсь от яркого света.

Кажется, это сон, но какой хороший! Никакого тумана, непонятных фигур, страха и психушек... Я жмурюсь от удовольствия, а когда снова открываю глаза, понимаю, что солнце стремительно летит прямо на меня, ослепляя до боли и обжигая кожу...

Я в ужасе кричу, но из груди не вылетает ни звука. И, кажется, в этот момент я проснулась, дрожа и обливаясь холодным потом. Только жуткое ощущение жара не прошло.

Попыталась открыть глаза, но тут же со стоном закрыла их. Прямо мне в лицо и в самом деле светит что-то яркое. Может, это всё ещё сон? Блин, нет, кажется, я всё-таки не сплю. Со второй попытки глаза открыть получилось, и, до боли щурясь, я наконец сумела разглядеть то, что меня потревожило: прямо рядом с кроватью висит светящийся невыносимо ярко полупрозрачный шар. Внутри него время от времени проходят электрические разряды.

По телу снова прокатилась дрожь. От ужаса я не смогла даже пальцем пошевелить, не то что закричать и позвать на помощь. Что это? Неужели шаровая молния? Я их никогда не видела, но кто же про них не знает! Странный шар застыл в воздухе ближе к изножью кровати, и я тоже старалась не шевелиться. Кажется, когда видишь шаровую молнию, надо оставаться неподвижным. Или нет? Но лежать здесь и ждать, что будет, я тоже не могу. Инстинкт самосохранения вопит о

том, что надо хватать ноги в руки и бежать, куда глаза глядят.

Вот только эта жуть зависла почти возле двери. Я осторожно повернула голову к окну, пытаясь сообразить, успею ли добежать и вылезти в сад, если эта штука за мной погонится. Наверное, если не делать резких движений, осторожно сползти с кровати... Я неотрывно следила за шаром. Кажется, он увеличивается в размерах. Блин!

Я попробовала осторожно подвинуться к краю. Вроде бы жуть осталась на месте. Может, швырнуть в неё подушкой? Нет, опасно. Подушка запросто может загореться, спалю весь дом. Только этого не хватало. Я сдвинулась ещё немного. Ну вот, край кровати уже близко. Я собрала волю в кулак и, почти скатившись с кровати, пригнулась и бросилась к окну. Отдёрнула тяжёлую штору, подхватила подол ночной сорочки и забралась на подоконник. Обернулась и увидела, что шар медленно плывёт в мою сторону.

Мамочки! А если он за мной на улицу вылетит? Ладно, какая теперь разница? Поздно рассуждать логически. Я сиганула вниз и неловко приземлилась прямо в растущий под окном куст, припав на колени.

Блин, а куст-то, кажется, с шипами. И ещё я, похоже, поранила обо что-то ступню. Подняла голову: шар уже освещает окно! Я вскочила и собралась уже бежать, но подол сорочки зацепился за шип, и пришлось резко рвануть его на себя. Ткань с треском порвалась, но зато я оказалась на свободе и кинулась в обход дома, к противоположной стене.

В саду почти полная темнота, только уличный фонарь даёт немного света издалека, и садовую дорожку кое-как видно. Мне направо, так быстрее... От страха я как-то даже не подумала, что буду делать, когда окажусь в саду. На бегу оглянулась: вроде бы шар остался в комнате, а не летит за мной. Хоть это радует. Завернув за угол дома, я подбежала к окну кабинета. Слава богу, в щель между шторами пробивается свет. А вдруг Адриэн уснул? Мало ли... Я подошла ближе и попыталась позвать мужа. Но от быстрого бега и паники дыхание сбилось, и я никак не могла успокоиться.

Оглянулась и, убедившись, что шара поблизости нет, кое-как прохрипела:

— Адриэн, помогите!

Вряд ли он услышит, я сама-то себя еле расслышала. Но муж не зря всё время подчёркивает, что у него тонкий слух. Почти сразу же одна штора поехала в сторону, и в окне появился Адриэн. Наклонился, явно пытаясь разглядеть меня в темноте после освещённой комнаты, и тихо, с явной тревогой спросил:

— Элианна? Что вы здесь делаете?

Я подошла под самое окно — хорошо, что под ним не растёт никаких колючих кустов — и срывающимся голосом проворчала:

— Там... в моей спальне... что-то ужасное... Я так испугалась, что сбежала... через окно...

— *Что-то* или *кто-то*? — невозмутимо спросил муж.

— Огромный светящийся шар, — ответила я, невольно оглядываясь.

— И вы из-за такой ерунды прыгаете из окон и пугаете меня? — Теперь тон Адриэна стал сухим и холодным. — Вы вроде как не помните прошлое, но должны же помнить то, о чём мы говорили несколько часов назад.

— Что вы имеете в виду? — спросила я: зубы начали стучать от пробиравшейся под тонкую сорочку ночной прохлады, а может, и пережитого ужаса. Я невольно обхватила себя руками за плечи.

Адриэн тяжело вздохнул и приказал:

— Идите к входной двери, впущу вас в дом. Наше общение выглядит очень странно.

И отошёл от окна, а я, еле переставляя ноги от слабости, поплелась в сторону двери. Гравий неприятно колол голые ступни, но я этого почти не замечала. Когда дошла до лестницы, Адриэн уже ждал меня на пороге дома, откуда уютно лился тусклый свет. Муж протянул мне руку и почти силой втащил внутрь, захлопнув за мной дверь и заперев на ключ.

— Ну и вид у вас, — процедил он, оглядывая меня. Я тоже опустила глаза и посмотрела на разорванную от бедра и ниже ночнушку. И неожиданно ощутила себя так, будто стою перед мужем вообще без одежды. Я кое-как поправила ткань, чтобы прикрыть бедро, но это не очень помогло.

Адриэн тем временем повесил связку ключей на крючок и вдруг, обернувшись ко мне, посмотрел прямо в глаза. На

какое-то время я будто провалилась в его чуть расширенные зрачки, не в силах ни двинуться, ни что-либо произнести. Виски уже привычно сдавило, но неприятное ощущение почти сразу же прошло, и Адриэн отступил назад. Потом развернулся и по-прежнему молча направился в сторону моей спальни.

Я же привалилась спиной к двери и прикрыла глаза. Как-то разом навалилось странное оцепенение, заныло ушибленное колено и царапины от шипов. Ступни тоже начало саднить. Я обняла себя за плечи и сползла по двери на пол, наблюдая, как Адриэн скрывается в комнате. Страх почти отступил: если муж ведёт себя так невозмутимо, значит, ничего страшного не происходит. Но что он имел в виду под нашим недавним разговором? Мозг отказывался соображать.

Спустя пару минут Адриэн вышел в коридор, и я с удивлением увидела возле его руки тот самый шар, только теперь размером он был с теннисный мяч. Я вздрогнула, а Адриэн подошёл ближе и отпустил шарик.

— То, что вас так напугало, всего лишь материальное воплощение домового духа. Днём он впитал очень много вашей силы, поэтому разросся до таких размеров.

Я, как загипнотизированная, смотрела на шарик. Адриэн слегка пошевелил рукой, и тот взмыл под потолок, начав увеличиваться. Ещё одно движение руки, и шар снова опустился ему на ладонь.

— Не смотрите так испуганно: он по-прежнему не пред-

ставляет опасности. Силу из вас уже вычерпал, больше не будет. Поэтому можете смело возвращаться к себе.

Я помотала головой.

— Я боюсь там находиться.

— И где же вы, в таком случае, будете спать? — Адриэн скептически вскинул брови и сплющил шар.

— Не знаю. Да хоть прямо здесь, в коридоре.

Адриэн сжал шар в ладони и сурово посмотрел на меня.

— Вы сегодня весь день удивляете. То дерзите, то предлагаете переехать во флигель, то спите на полу, да так крепко, что я уже начал думать о худшем. То пугаетесь домового духа и прыгаете из окна прямо в куст шиповника. А теперь собираетесь спать на полу. В ваших интересах, чтобы это не оказалось сознательной попыткой надо мной издеваться.

— Ваши угрозы пугают меня меньше, чем он. — Я покосилась на дурацкий шарик, пытающийся высвободиться из пальцев Адриэна, меняя форму.

— И это неразумно с вашей стороны. Не советую доводить меня до исполнения угроз на практике. Я, кажется, уже напоминал, что заклятие подчинения — неприятная штука. Сомневаюсь, что вы когда-нибудь испытывали на себе его действие, и лучше, чтобы так оставалось и дальше.

Я упрямо помотала головой.

— Можете запугивать меня сколько угодно, но я не вернусь в спальню по доброй воле. Применяйте своё дурацкое заклятие, если совесть позволит.

— Позволит, не сомневайтесь.

— Не сомневалась, что у вас её попросту нет.

Адриэн криво ухмыльнулся и приблизился ко мне. Я невольно вжалась в дверное полотно. Муж явно заметил мой испуг, потому что ухмылка стала шире.

— Решили известить на меня весь запас своих неуклюжих колкостей? Не стоит, Элианна, поберегите для другого раза. А ещё лучше будет, если вы просто оставите идею мне дерзить.

Я постаралась, чтобы мой ответный взгляд был как можно более вызывающим, но, видимо, не очень преуспела.

— Хотя, не скрою, забавно наблюдать за тем, как вы ша-рахаетесь каждый раз после того, как вспоминаете о прежних привычках. Если уж начали дерзить, будьте смелее. Если смелости не хватает, не стоит и начинать. А теперь вставайте.

Он подошёл и протянул мне левую руку. Плотные сжатые губы и полные льда серые глаза не обещают ничего хорошего, если я продолжу ломаться. Я ухватила за протянутую ладонь и кое-как поднялась на ноги. Сделала шаг и с удивлением заметила кровавое пятно там, где только что были мои ступни. Неужели я так сильно поранила ноги? И как бы это скрыть?

Я осторожно поставила ногу на пятно, но явно опоздала.

— Почему сразу не сказали, что поранились? Покажите ноги, — приказным тоном велел Адриэн, и я поёжилась.

— Я наступила на что-то под окном, а потом бежала по

гравию. Наверное, какой-то порез оказался слишком глубоким. — На мужа я старалась не смотреть.

Тот тихо, но явственно вздохнул, всем видом демонстрируя усталость от моего поведения, и велел:

— Идите в кухню, аптечка там. А я пока спрячу духа, раз он вас так пугает.

— Спрячете? Куда?

Я даже забыла о том, что мне предстоит очередная экзекуция: так стало любопытно.

— На время заключу в специальный кристалл, а завтра выпущу где-нибудь на чердаке. Нужно будет найти ему новое место жительства, пока во флигеле не поселится новая прислуга.

— А если он теперь захочет жить в доме?

— Если не уживётся с новой прислугой, придётся найти ему место здесь.

— Надеюсь, он не решит поселиться в моей спальне. — Я снова поёжилась.

— Может, тогда вы научитесь не бояться привычных вещей, — хмыкнул Адриэн и, больше ничего не сказав, развернулся и направился в свой кабинет. А я понуро побрела в кухню.

Глава 5

Адриэн

Я внимательно наблюдал на тем, как домовый дух затекает в кристалл, и пытался унять мечущиеся мысли. Когда услышал, как девчонка зовёт меня с улицы, второй раз за день подумал о худшем, но быстро взял себя в руки. Нужно всегда сохранять холодный рассудок: на доме защитные чары, на девчонке брачный браслет. Значит, очередная странность Элианны. Правда, от этого не легче. Испугалась домового духа, ну надо же! Это Азерис-то, которая бы и верховному демону рога открутила?

И сколько я ни пытаюсь понять, играет она или нет, всё время прихожу к выводу, что так сыграть невозможно. Да и потеря памяти, скорее всего, ни при чём. Больше похоже на душевную болезнь. Помнится, дядюшка Андреус, которого мы всей семьёй до самой его смерти навещали в «Сайлентисе», из весёлого, шумного и задиристого парня превратился в тень. До сих пор перед глазами стоит его вечно смущённая улыбка: он стыдился, что не помнит, кто мы такие... Может, Дарриен по ошибке задел Элианну заклятием, а потом, испугавшись, окончательно сбежал? Или сделал это нарочно, решив, что ему не нужны лишние проблемы? Однако здесь есть нюанс: она вполне неплохо соображает и не производит

впечатление блаженной.

Неожиданная догадка неприятно отдалась болью в висках. А что, если девчонка — вообще не Элианна Азерис? Маловероятно, но всё же возможно: Азерис и Дарриен нашли тёмного мага и провели какой-нибудь запрещённый ритуал с применением подчинения и иллюзий, а сами сбежали. Это объяснило бы многие странности: ритуал мог затронуть и мозг, и душевное здоровье. Но и в этой версии есть нестыковки: у Дарриена вряд ли нашлись бы средства на подобное сложное колдовство, а Азерис пришлось бы придумывать, для чего ей нужна большая сумма со счёта, и, конечно, родители не позволили бы ей взять деньги после разоблачения их романа с Дарриеном. Да и кто же в здравом уме добровольно согласится стать жертвой тёмного ритуала? Хотя я бы не удивился, реши эти двое похитить какую-нибудь случайную девчонку...

Ладно, кажется, мне пора спать: в голову уже лезут бредовые идеи. Хотя в нашем случае нельзя списывать со счетов и эту версию, но сначала нужно всё-таки посетить тёмного целителя. Следы ритуала он тоже распознать сумеет.

Наверное, придётся завтра с утра забрать у девчонки немного силы, чтобы сидела спокойно, а ещё лучше — спала до моего возвращения со службы. Надеюсь, Эрранс отпустит меня на полдня по уважительной причине. Майрии скажу, чтобы внимательно наблюдала за госпожой и если что, связалась со мной. Если Элианна вынашивает какой-нибудь де-

монский план, лучше перестраховаться: служанка не моя, не хотелось бы потом оправдываться перед Рэмисами.

Я поставил кристалл на полку рядом с рамкой и отправился в кухню. Элианна терпеливо ждала меня, сидя на стуле и придерживая порванный подол сорочки. За это девчонку стоило бы похвалить, а то её обнажённое бедро наводит на слишком фривольные мысли. Правда, прикасаться к ней всё равно придётся, но после размышлений в кабинете она вызывает скорее раздражение. Весь день упражнялась в дерзости, а теперь сидит с несчастным видом. Может, думает, что я её пожалею?

— Всё же думаю, что не нужно ничем обрабатывать ноги, — тихо заметила она. — Там просто мелкие царапины. Я вымою ноги, и всё.

— И учитывая, как на вас сказываются самые незначительные повреждения, лишитесь ног, а в худшем случае и вовсе отправитесь за Грань.

Девчонка явственно вздрогнула и спрятала голые ступни под стул.

— Я не... не настолько слабая, чтобы умереть от царапин, — возразила она.

— Возможно, но проверять это я не собираюсь.

— И вообще я могу сама их обработать.

— Я вам не очень доверяю в этом вопросе. — Я прошёл к подвесным шкафчикам и открыл средний. — Предпочитаю лично убедиться, что всё необходимое сделано.

— Считаете меня совсем никчёмной трусихой? — Тон девчонки прозвучал обиженно.

— Вы не далее как десять минут назад так испугались, что прыгнули в окно, даже не подумав о последствиях. И после этого будете утверждать, что смелости вам не занимать?

Элианна как-то неопределённо фыркнула, но спорить дальше не стала. Я достал коробку, где Нэйлия хранила тщательно подписанные склянки с зельями, бинты и прочие необходимые вещи. Она всегда следила за тем, чтобы всего было достаточно. Кроме, разве что, снотворного — за него отвечает Эксерс.

Поставив коробку на стол, я снял крышку, нашёл обеззараживающее зелье и кусок повязки для ран. Выдвинул стул, сел на него и посмотрел на напуганную девчонку. Нет, всё-таки это Азерис. Черты её, просто после случившегося с ней что-то не так, потому и лицо кажется мягче.

— Кладите ноги мне на колени, — приказал я. — И быстро, у меня ещё дела. А вам пора спать.

— Хотите поскорее спровадить меня, чтобы не мешала?

— Возможно. Давайте-давайте, не стесняйтесь.

— А я ведь предлагала всё сделать сама. И вам не пришлось бы отвлекаться.

— Мы уже об этом говорили. Не тяните время.

Девчонка, кажется, слегка покраснела, опустила голову и положила мне на колени одну ступню. Я осторожно повернул её, осматривая. Да уж, это точно не «крохотные царапины».

Ну вот как она умудряется постоянно во что-то вляпываться? Хотя заклятия бывают очень коварными, да и от страха люди не такое творят. И всё-таки...

Я взял повязку и полил её зельем. Краем глаза проследил за Элианной: она так крепко зажмурилась, что наверняка перед глазами сейчас пляшут искры. Пришлось одной рукой втирать зелье, а второй вытягивать боль. Руку неприятно покалывало, и я поморщился. Ладно, чего не сделаешь ради собственного спокойствия.

Обработав кожу, я потянулся к аптечке и достал оттуда мазь. Радует то, что я совершенно не думаю о лежащей на моём колене аккуратной ступне. Вернее, думаю, но исключительно как целитель. Или я пытаюсь это себе внушить? Я осторожно нанёс немного мази и принялся втирать её, когда девчонка вдруг дёрнулась, попытавшись высвободиться. И при этом мелко затряслась, прикрыв лицо рукой. Да демоны, надеюсь, не собирается снова рыдать?

— Что с вами? Неужели так больно?

— Не-е-е-ет, — простонала Элианна, и тут я понял, что она не плачет, а хихикает. — Я... оче-е-ень... боюсь щекотки-и-и-и... Ай, осторожнее...

Я хмыкнул и, покрепче зажав ступню в руке, продолжил своё занятие. Элианна запрокинула голову и продолжила смеяться, попутно пытаясь высвободиться из моего захвата.

— Чем больше вы дёргаетесь, тем дольше я буду вас мучить, — заметил я, хотя и сам уже был готов засмеяться. Уж

очень заразительно Элианна хохочет: вон даже слёзы на глазах выступили.

И вот тут-то моя выдержка, кажется, начала медленно и неотвратно давать трещину. Нужно срочно заканчивать с этим. Я взял из аптечки бинт, быстро перемотал пострадавшую ступню и осторожно спустил на пол. Элианна перестала смеяться и вытирала руками слёзы со щёк.

— Вы безжалостный мучитель, — заметила она. — У меня даже рёбра от смеха заболели.

— Уж лучше смех, чем ваши бесконечные слёзы, — поддел я и нетерпеливо пошевелил пальцами. — Ну же, Элианна, не заставляйте меня ждать.

Девчонка забросила мне на колено вторую ногу, кое-как пристроив порванный подол, чтобы прикрыть бедро, и демонстративно сложила руки на груди. Однако её невозмутимости хватило ненадолго: стоило мне снова смочить повязку, как она зажмурилась. Я повторил свои действия, и Элианна удивлённо протянула:

— Мне совсем не больно. Вы опять что-то делаете?

— Признаюсь честно, не очень хочется приводить вас в чувство после очередных слёз или, не дай боги, обморока. Проще забрать себе вашу боль.

— А как... это происходит? — Она слегка наклонила голову набок, будто прислушиваясь. — Ну, то есть... боль же не может просто исчезнуть? Значит, вам самому больно?

— За меня не волнуйтесь, переживу, — хмыкнул я, про-

должая своё занятие.

— Но... я не хочу, чтобы вы страдали из-за меня. — Вот теперь во взгляде девчонки появились тревога и раскаяние. — Я бы потерпела, правда. Не такая уж я и трусиха, просто предупреждайте меня, когда будет больно.

— Сейчас уже не будет, — отмахнулся я и, отложив повязку, взял банку с мазью. — А вот щекотку придётся потерпеть: тут я вам ничем не помогу.

И стоило мне приступить к делу, как Элианна снова начала хохотать, запрокинув голову. Дурацкая сорочка всё-таки съехала, полностью обнажив её ногу, и я постарался сосредоточиться исключительно на мази, но улыбку сдержать всё-таки не смог. Было бы хорошо, если бы она чаще вот так искренне и неудержимо смеялась, а не лила слёзы в три ручья. Может, и этот дом стал бы не таким мрачным... Хотя что это я?

Когда и вторая ступня была перевязана, а приступ хохота закончился, я уже начал собирать всё обратно в коробку, но тут взгляд опять будто сам собой упал на обнажённую ногу девчонки, и я заметил несколько царапин там, где порвалась ночная сорочка. Демоны, за что мне это?

Элианна, похоже, заметила мой взгляд, потому что слегка покраснела и поспешила прикрыться. Но я покачал головой.

— Подождите, у вас же ещё царапины. Может, и другие от меня скрываете?

— Ещё я слегка ушибла коленку, — ответила девчонка и

лукаво блеснула глазами. — Хотите посмотреть?

Почувствовала, значит, о чём я думаю? Ладно, вызов принимается.

— Хочу, — ответил я. — Мазь от ушибов у меня тоже есть.

Элианна самым бессовестным образом задрала подол и закинула ногу на ногу, так чтобы я мог видеть и бедро, и коленку.

— Мазать сами будете? — спросила она, продолжая сверкать глазищами. Я уставился на левое колено, где явно было заметно красное пятно, которое совсем скоро наверняка превратится в синяк.

Я медленно покачал головой. Может, зря я пообещал девчонке, что супружеский долг буду требовать не чаще раза в полгода? Кажется, явно переоценил свою выдержку. И ведь она сейчас нарочно меня подначивает. Поддаваться нельзя. Я нашёл в аптечке мазь, потом достал свежую повязку, налил на неё обеззараживающее зелье и протянул это всё девчонке.

— А кто же избавит меня от боли? — спросила она, закусив нижнюю губу и потёрла бедро. Я кое-как оторвался от этого зрелища, скривился и процедил:

— Как-нибудь потерпите. А то решите ещё, что у меня какие-то... нехорошие намерения.

— А если я не против нехороших намерений? — Элианна загадочно улыбнулась и слегка повернулась так, чтобы удобнее было дотянуться до бедра.

Ну уж нет, я не дам ей себя переиграть.

— А вам не приходило в голову, что против могу быть я?

— Надо же, — девчонка вскинула брови, — а я-то полагала, что мужчины никогда не против супружеского долга и обычно именно жёны разыгрывают плохое самочувствие или придумывают ещё какие-то предлоги.

— Я бы с удовольствием обсудил с вами эту тему, будь вы собой прежней. Только вот в таком случае, боюсь, мне пришлось бы применять к вам заклятие подчинения, чтобы подтвердить брак. Но то, что вы, вероятнее всего, серьёзно больны, накладывает на меня определённые... моральные ограничения.

— Но это не помешало вам всё-таки подтвердить брак, — поддела девчонка и приложила повязку к пострадавшему бедру, продолжая смотреть мне в глаза.

— Потому что время на подтверждение брака всё-таки ограничено и, заметьте, я дал вам право выбора.

— Вы такой великодушный, позволили мне выбрать между брачной ночью и... брачной ночью. Выбор потрясающий, — едко протянула Элианна и поморщилась, посмотрев на своё бедро.

— Возьмите мазь от царапин, — сказал я, протягивая ей баночку. — Что же до моего великодушия, то вынужден разочаровать и сказать, что язвите вы напрасно: далеко не все мужья терпеливо ждут согласия жены. Не пытаюсь выставить себя в хорошем свете, просто озвучиваю известный

факт.

Элианна открыла баночку, зачерпнула немного мази и принялась втирать её в кожу.

— Ладно, допустим, вы молодец. Однако, возвращаясь к теме: я вовсе не чувствую себя больной. Невменяемой меня тоже не назовёшь: я отдаю себе отчёт в том, о чём мы с вами сейчас говорим. Поэтому можете не терзаться моральными проблемами.

Я с удивлением смотрел на девчонку. В чём здесь подвох? Ведь не может же она на полном серьёзе предлагать мне лечь с ней в постель?

— С чего вдруг вы так настаиваете на близости со мной?
— Я отвернулся к аптечке, чтобы найти мазь от ушибов, а заодно не смотреть на Элианну и разные соблазнительные части её тела.

— Ну, я подумала... раз вы завтра отвезёте меня в «Сайлентис», то, возможно, мы с вами больше не увидимся. Хотелось бы напоследок запомнить что-то... приятное.

Мне с трудом удалось скрыть удивление. Я уставился на девчонку, приподняв брови и стараясь, чтобы взгляд был как можно холоднее.

— С чего вы взяли, что мы больше не увидимся?

— Ну, вдруг целитель скажет, что вылечить меня нельзя, и вы оставите меня там... в качестве пациентки. — Элианна вздохнула и опустила глаза. — Мне это даже приснилось сегодня, когда я уснула на полу, — призналась она уже тише.

На последнем слове голос слегка дрогнул.

— Так вот почему вы даже во сне рыдали в три ручья? — хмыкнул я, наконец отыскав баночку с мазью. — Прошу, выбросите из головы всю ту чушь, которая там есть. Я не собираюсь оставлять вас в лечебнице, даже если целитель найдёт у вас что-то страшное. Будем решать проблемы по мере поступления, но запомните одно: вы моя законная жена, и какие бы между нами ни были отношения, я обязан заботиться о вас и буду это делать. Раз уж я взял на себя ответственность, женившись на вас... такой.

Элианна подняла на меня взгляд, однако глаза остались грустными.

— Верю, — ответила она и больше ничего не прибавила.

Я протянул ей мазь, и она взяла баночку. Потом тщательно прикрыла подолом бедро и занялась коленкой, однако больше не стреляла в меня глазами, не заигрывала и как-то разом ссутулилась и стушеввалась, будто пытаясь стать незаметной. Когда закончила, я забрал у неё баночку и спросил:

— Больше ничего не беспокоит? Лучше скажите сразу.

— Нет, в остальном я в порядке, — тихо ответила Элианна.

— В таком случае идите к себе.

Девчонка помотала головой.

— Вы опять за своё? — Я недовольно посмотрел на неё. — Дух в кристалле, кристалл у меня в кабинете. Успокойтесь и идите спать. Уже полночь, — прибавил я, бросив взгляд на

часы над дверью.

— Я... всё равно не усну, — отмахнулась Элианна и обняла себя за плечи. — Посижу здесь, сделаю себе отвар... До утра уже не так долго.

И вот что с ней делать? Не оставлять же в кухне. Я устало потёр виски. Признаться честно, я и сам не прочь пойти спать, однако сначала надо что-то решить с девчонкой.

— Хорошо. Что вы предлагаете?

— Ничего. Я просто не хочу возвращаться к себе. Не волнуйтесь за меня, здесь очень уютно.

В душе начала медленно расползаться тьма. Я медленно вдохнул, пытаясь взять её под контроль. Будем считать, что на девчонку повлиял пережитый страх, и это не сознательная попытка вывести меня из себя.

— Почему вы боитесь возвращаться к себе, если духа там больше нет? — Я постарался, чтобы голос звучал спокойно.

— Не знаю. Мне всё равно страшно. Как вспомню...

Я прикрыл глаза и снова сделал глубокий вдох. Я ввязался в это сам, по собственной воле, меня никто не заставлял жениться, так что придётся терпеть. И ради спокойствия стоит на сей раз пойти у девчонки на поводу.

— Идите в мою спальню. Только, прошу, найдите наряд... попроще и переоденьтесь.

Глаза Элианны просияли, и она радостно закивала.

— Спасибо! Конечно, я переоденусь... Я вообще могу лечь на полу, чтобы вас не смущать. Принесу своё одеяло,

и...

— Идите уже, — простонал я. — Ещё одна подобная глупость, и я наложу на вас заклятие молчания, чтобы не сорваться.

Девчонка слегка побледнела, но тут же вскочила со стула и, подобрав болтающийся край сорочки, почти бегом кинулась прочь из кухни.

— И учтите, что мне нужно ещё поработать, поэтому вам придётся какое-то время побыть одной в спальне. Надеюсь, это не станет проблемой, — прибавил я ей вслед.

— В вашей спальне мне страшно не будет, — уже из коридора ответила Элианна, и вскоре я услышал, как хлопнула дверь её комнаты.

Я усмехнулся и встал, чтобы взять с плиты чайник. Некрасиво, конечно, запугивать девчонку, но она несёт иногда такую чушь, что сил на достойный ответ просто не находится.

*

В кабинет я всё-таки возвращаться не стал: после странного дня и ещё более странного его завершения силы закончились. Сделал себе чашку отвара и выпил почти залпом, не обращая внимания на то, что он горячий. Потом подумал про Элианну и решил отнести отвара и ей: она что-то говорила на этот счёт. Осторожно неся чашку с блюдцем, я ногой приоткрыл дверь спальни и осмотрелся. А девчонка быстро освоилась! Зажгла ночник, аккуратно сложила покрывало и повесила на спинку кровати. Притащила свою подушку

и уже легла.

Я надеялся, что она спит, но надежды не оправдались: как только вошёл в комнату, из-под одеяла раздалось:

— Ну наконец-то. Я уже решила, что вы меня обманули и заночуете в кабинете.

Элианна накрылась почти с головой: видно только глаза и нос. И глазища опять какие-то хитрые.

— Я принёс вам отвар, — ответил я. — Подумал, что не помешает.

— Надеюсь, вы не вылили туда снотворного или ещё какую-нибудь гадость? Что у вас там бывает? Успокаивающее зелье, отупляющее, подчиняющее? — Девчонка захихикала.

Нет, спокойно лечь и уснуть, кажется, не выйдет.

— Будете дальше хихикать, точно заставлю выпить успокаивающее зелье, — ответил я, подошёл к тумбочке возле кровати и поставил на неё чашку. — Между прочим, вы заняли мою любимую сторону: на тумбочке у меня будильник.

— Простите, я же не знала. — Элианна подвинулась к стене. — Но хочу предупредить, что ночью я иногда встаю... ну, в общем, по естественной надобности, так что придётся перелезть через вас. Но если вы не против...

Кажется, у меня начинает болеть голова. Я поднял руки, сдаваясь.

— Хорошо, хорошо, спите с краю. И я, как уже сказал, принёс вам отвар, пейте, пока не остыл.

— Спасибо. Вот умеете же вы быть милым, когда хотите.

Жаль, что хотите этого так редко.

— Вам неплохо бы уметь держать язык за зубами, — проворчал я.

Девчонка, наконец, высунулась из-под одеяла и принялась усаживаться поудобнее, подкладывая под спину подушку. А я уставился на неё во все глаза: вместо ночной сорочки на Элианне махровый халат с длинными рукавами, запахнутый так, что даже шею не видно.

— Вы... в этом будете спать? — не удержался я и присел на край кровати. — Перегреться не боитесь? На улице пока лето, если вы и об этом забыли.

— Я всего лишь выполнила вашу просьбу: оделась прилично. Ведь мы будем спать под одним одеялом: вдруг я случайно коснусь вас, прижмусь во сне или закину на вас ногу? А вы так боитесь близости со мной, что сбегите, мне станет страшно одной...

— Да что с вами такое? Вы подозрительно много болтаете, смеётесь без причины, говорите вещи, о которых воспитанной девушке даже думать нельзя, не то что вслух произносить. Похоже, и правда пора нести успокоительное.

— Так ведь вы мой муж. Или благовоспитанная жена во время близости должна тихонько лежать бревном и тоскливо глазеть в потолок в ожидании, пока муж получит удовольствие? Простите, я об этом забыла, вам стоило предупредить ещё перед брачной ночью...

Демоны, ну что за наказание? Я вдруг очень отчётливо

представил себе описанное Элианной зрелище и рассмеялся. Эксерсу бы понравились такие шуточки. Похоже, он прав: безумие заразно.

— Ещё пара таких фраз, и пойдёте спать к себе. Я вас лично закину на плечо, уложу в кровать и закрою дверь на ключ.

— То есть вы просто возьмёте и выгоните из постели молодую, симпатичную девушку? Станный вы мужчина, в самом деле. Нет, я, конечно, понимаю, что с дамами из борделя веселее, но...

Я подался в сторону девчонки и притворился, что собираюсь её схватить. Элианна весело захихикала и снова залезла под одеяло.

— Я же вас прямо так в одеяле и отнесу, — пригрозил я, стараясь сдержать смех. Давно я так искренне не веселился и, признаться честно, даже благодарен за это девчонке.

— Не надо, — пискнула та: испуг она явно лишь изображала. Снова высунула нос из-под одеяла и хихикнула.

— Тогда пейте отвар, и желательно молча.

— Ладно. — Элианна снова приподнялась на локтях и села, уперевшись спиной в подушку. — Но знаете, что меня очень интересует?

— Да? — Я приподнял брови, ожидая очередной подвох.

— В чём вы спите?

Ну да, я не ошибся.

— В пижаме, как и положено приличному человеку.

Элианна запрокинула голову и снова рассмеялась.

— Я с радостью посмотрю, как вы переодеваетесь. Честно говоря, не представляю вас в пижаме. Это, должно быть, очень забавно.

— Не дождётесь. Я всё равно ещё пойду в ванную, приводить себя в порядок перед сном. Кстати, именно этим и займусь прямо сейчас. Может, вы немного утомитесь и вспомните о том, как должна вести себя скромная и порядочная жена.

Элианна закатила глаза и потянулась к чашке на тумбочке, а я поднялся и прошёл к шкафу, откуда выудил пижаму. Халат в ванной, так что девчонке не удастся на меня пялиться.

— Вообще-то вы без пижамы смотрите очень даже неплохо, — изрекла она, осторожно взявшись за чашку.

— Пожалуй, вы без халата тоже, — ухмыльнулся я. Не то чтобы мне не нравится то, в каком направлении движется наш разговор, но как-то это... неправильно. Учитывая мой план и всё остальное...

Я достал пижаму и направился к выходу, чувствуя на себе любопытный взгляд. Но, слава богам, девчонка больше ничего не сказала, и я благополучно отправился в ванную.

*

Вернувшись в спальню, с удивлением обнаружил, что Элианна уже выпила отвар и, закутавшись в одеяло, делает вид, что уснула. Хотя, может, и правда уснула, но учитывая

её желание поглазеть на меня в пижаме, было бы странно. Я первым делом погасил свет, и только тогда скинул халат и забрался под одеяло. И тут же ощутил, как бессовестная женская рука погладила меня по спине.

— Смотрите-ка, а вы и правда в пижаме, — прошептала девчонка, не прекратив исследовать мою спину. Она явно подвинулась ближе ко мне. Серьёзно собирается меня соблазнить? А что если это какой-то коварный план, который они придумали вместе с мальчишкой Дарриеном? Усыпить мою бдительность и что-нибудь провернуть. Вполне возможно, что Дарриен никуда не сбегал, и они просто выжидают момент.

Девчонка, не зная о моих мыслях, придвинулась совсем близко и попыталась меня обнять. Я резко развернулся, одновременно послав импульс силы в кристалл светильника. Взору предстала потрясающая картина: на Элианне вместо дурацкого халата тот самый комплект белья, который она уже надевала в пятницу. Или похожий? Да неважно. Это называется «одеться поприличнее»?

— Нравлюсь? — хмыкнула эта искустельница.

— Элианна, ответьте прямо: что у вас на уме? — Я старался не смотреть на её приятные округлости и сосредоточился на хитрющих глазищах.

Девчонка села, поджав под себя ноги и осмотрела меня.

— Только не притворяйтесь, будто не понимаете, — заметила она.

— Я-то думал, что вы любите Дарриена и еле пережили брачную ночь со мной, — сухо ответил я. Ну вот как удержаться и смотреть ей в лицо, а не пялиться ниже?

— Сдался вам этот Дарриен, — фыркнула девчонка. — Такое чувство, что вы ревнуете.

— И в мыслях не было. Однако с чего вдруг вы изменили отношение к тому, ради кого чуть не пустили свою жизнь демону под хвост?

— Знаете... я, может, ничего и не помню, но ведь сообщаю. И если... Максимилиус любил меня, то где же он? Почему не спас от навязанного брака? Может, не так уж я ему нужна?

В её глазах промелькнула грусть. И, словно смутившись своего фривольного вида, она подтянула к себе одеяло и прикрылась. А мне сразу стало легче.

— Но даже если вы разочарованы в своём... дружке, то откуда взялись чувства ко мне? Особенно учитывая наши с вами непростые отношения. Признаюсь, ваши недвусмысленные намёки всё равно кажутся подозрительными. — Я внимательно наблюдал за лицом Элианны, но его выражение не изменилось. Скорее, стало ещё грустнее.

— Клянусь, у меня нет никаких коварных планов на ваш счёт, и я не знаю, где Дарриен, поверьте... Я просто... просто... очень испугалась этого вашего духа. Знаете, когда сначала страшно, потом наступает... облегчение, и хочется смеяться и делать всякие... безрассудные вещи. Я не ношу при

себе нож или склянку с ядом, можете обыскать.

— Хорошая идея, — хмыкнул я. — Обыщу обязательно, раз уж вы так настаиваете.

— Звучит очень... соблазнительно. — Элианна снова сверкнула глазами. — Мне встать лицом к стене и поднять руки?

Нет, всё-таки с ней такой и правда на удивление легко. Конечно, стоит осторожно посмотреть её ауру, однако не похоже, что она лжёт. Ведь и в самом деле, если Дарриен не сбежал, он явно не торопится выручать девчонку. Сговор было бы слишком сложно устроить: поместье Азерисов отлично охранялось, а мой дом и подавно.

Чтобы пробраться хотя бы во двор, Дарриену нужно сбить все защитные чары, некоторые из которых весьма хитрые и необычные: их помогал плести маг, которому доверена охрана императорского дворца. Мальчишке с его разрозненными знаниями с подобным точно не справиться. Ключ от ворот тоже зачарован, и Элианна не знает, где я храню кристалл, которым пользовалась Нэйлия. За ту неделю, что мы вместе, ничего подозрительного не происходило.

А если у них и есть план, то он какой-то слишком сложный. И уж супружеская близость точно не обязательна: достаточно просто дожждаться, когда я усну, и можно спокойно убить заклятием. Тем более девчонка знает, что иногда я принимаю снотворное. Правда, про защиту на двери и все мои артефакты она не в курсе, но это уже другой вопрос.

— Над чем вы так глубоко задумались? — прозвучал над ухом полушёпот. Я вздрогнул и резко обернулся: Элианна, снова без спасительного одеяла, сидит рядом и почти касается меня своим телом, едва прикрытым дурацкой тряпкой.

— Пытаюсь понять, лжёте вы или нет.

— Хватит уже подозревать меня во лжи, господин дознаватель, — прошептала Элианна и подмигнула мне. — Лучше приступайте к обыску.

Я усмехнулся, а девчонка сползла с кровати и встала напротив, всё так же хитро улыбаясь. Я медленно прошёлся взглядом по её фигуре. Всё-таки она очень даже ничего. А когда так искренне улыбается и смотрит без страха, становится ещё привлекательнее. Вот уж не думал, что меня будет так тянуть к Элианне Азерис...

Я поднялся на ноги, продолжая смотреть девчонке в глаза. Она, состроив смиренную мину, подняла вверх руки, тоже глядя на меня. Я провёл руками вдоль её тела, едва прикрытого вызывающим куском ткани.

Элианна вздрогнула, когда я коснулся руками груди, кожа покрылась мурашками, и девчонка прикрыла глаза. Я продолжал делать вид, что обыскиваю её, а Элианна стояла, всё так же покорно подняв руки, и лишь изредка вздрагивала, и её дрожь передавалась мне. Кажется, она немного смущается: неужели переоценила собственную смелость? Но ведь она первая начала ко мне приставать...

— Можете опустить руки, обыск окончен, и он ничего не

дал, — сказал я, наклонившись к уху девчонки, и её ладони опустились мне на плечи, слегка сжав их.

Я погасил светильник и, обняв Элианну за талию, сел вместе с ней на кровать. Когда девчонка оказалась у меня на коленях, осторожно провёл по её щеке пальцами.

— Простите, что иногда бываю чересчур подозрительным. Но, думаю, вы понимаете, почему я не могу доверять вам до конца. Особенно, пока не выяснится, что с вашей памятью и рассудком.

— Понимаю, — еле слышно прошептала Элианна и теснее прижалась ко мне, будто ища защиты.

Я взял её за подбородок и развернул к себе, накрывая её губы своими. Элианна подалась навстречу, а я прошёлся ладонями по её бокам, слегка задевая грудь. Девчонка вздрогнула, подавшись навстречу, и сжала мои плечи.

Прервав поцелуй, я припал губами к её шее, заставив Элианну прижаться ещё сильнее и запрокинуть голову. Взявшись за шнуровку соблазнительного костюмчика, я осторожно потянул концы на себя, обнажая её тело, по которому прошла очередная волна дрожи. Самообладание медленно, но верно начало меня покидать: хотелось наплевать на нежность и взять её прямо сейчас, не заботясь о её чувствах и ощущениях. Но всё-таки пришлось себя одёрнуть.

Между тем Элианна принялась за пуговицы пижамной кофты, ловко расстёгивая их одну за другой. От прикосновения прохладных пальцев по телу побежали мурашки. Дев-

чонка запустила руки под ткань и почти невесомо прошлась по моей груди и рёбрам, а потом спустила рубашку с плеч. Тяжесть внизу живота стала почти болезненной. Я вернулся к губам Элианны, продолжая осторожными движениями поглаживать и слегка сжимать её полную грудь.

Девчонка тихо застонала мне в губы, и я приподняв её, уложил на кровать, накрыв своим телом. Её руки потянулись к завязкам моих штанов, но я перехватил их и прижал к кровати, прошептав:

— Оставьте инициативу мне.

— Как вам будет угодно, мой господин, — выдохнула эта маленькая язва прямо мне в ухо и обвила ногами мои бёдра, заставляя разум отключиться и уступить место ощущениям.

Глава 6

Я открыл глаза и первым делом посмотрел на будильник. Шесть утра, до звонка ещё час. Я протянул руку и отключил его. К боку прижималась тёплая спина Элианны. Девчонка всё-таки улеглась у стены. Вернее, это вышло само собой: мы оба были не в силах двигаться, не то что решать, кто где будет спать.

— Теперь вы верите, что у меня нет никаких дурных намерений? — с трудом пробормотала она, уже почти засыпая. — Я перед вами вся как на ладони, вот даже без одежды...

Я хмыкнул и пропустил между пальцами прядь её волос.

— Пока верю, но мы к этому ещё вернёмся.

— Какой же вы упрямый, — вздохнула Элианна и почти сразу же её дыхание стало тихим и ровным. Вот и прекрасно, пусть лучше спит, чем болтает всякую чушь.

Сам я, правда, тоже сразу уснул и отлично выпался. Может, Эксерс, демоны похотливые его раздери, и прав, утверждая, что близость с женщиной — полезная вещь. Во всяком случае, я давно не ощущал себя таким бодрым и отдохнувшим. Судя по всему, я ещё и вытянул силу у девчонки на пару с домовым духом. Ладно, я же всё равно хотел это сделать, а получилось само собой.

Я приподнялся на локтях и обернулся: Элианна и в самом деле спит крепко, отвернувшись к стене и подложив ладонь

под щёку. Одеяло чуть съехало, обнажая часть спины и плечи и вызывая воспоминания о том, что происходило в этой постели ночью. Как её пальцы сжимали мои плечи и ногти впивались в кожу, как она обнимала ногами мои бёдра и подавалась навстречу ласкам, проходила губами по моей груди... Я поспешно отвёл взгляд.

Между прочим, в этой спальне ни разу не ночевала женщина. Заводить постоянную любовницу меня никогда не тянуло, хотя некоторые особо шустрые вдовушки и намекали на «дружбу», однако я даже не рассматривал подобную возможность. С девками из борделя проще: не нужно ни нежности, ни разговоров, даже имя знать не обязательно. И было бы здорово и дальше продолжать так жить, но раз уж я женился, путь в бордели мне теперь закрыт. Ушлые газетчики мигом разнесут сенсационную новость: «Пылко влюблённый молодой муж снова шатается по борделям. Неужели влюблённости не было?» Никакая конфиденциальность не спасёт, разнюхают моментально. И тогда план точно пойдёт к демонам.

Однако если выяснится, что на Элианну и в самом деле наложено заклятие, его можно со временем снять. Не бесследно, но большую часть точно. И тогда она превратится в себя прежнюю, и будет нелегко. Это сейчас она утверждает, будто Дарриен ей больше не интересен, а вот что подумает, когда всё вспомнит? И о супружеской близости точно придётся забыть. Разве что самому провести с ней подчиняю-

щий ритуал и навсегда лишит настоящей личности. Если же окажется, что девчонка больна, проще тоже не станет: пользоваться душевным нездоровьем жены ради удовлетворения собственной похоти низко даже для меня.

Но такой, как сейчас, она мне и правда нравится. Заводит её покорность. Мнимая или искренняя — уже неважно. Эти несмелые, но чувственные прикосновения, смущённые взгляды и в противоположность им весьма откровенные стоны. Всё это вместе определённо привлекает, однако расслабляться пока рано.

Даже странно, что девчонка сама проявляет инициативу, пусть и смущаясь. Сомневаюсь, что Дарриен был искусным любовником. Хотя... кто знает этого проходимца? Может, он частенько зажимал служанок в тёмных углах. Ладно, мне-то какая разница? Я бы чувствовал себя хуже, окажись девчонка невинной.

А вообще, прекрасно, что брачная неделя закончилась, и я возвращаюсь на службу. Чем реже буду видеть Элианну, тем проще нам обоим. Осталось ещё услышать мнение тёмного целителя, и можно обдумать дальнейшую жизнь и всё устроить наилучшим образом для себя.

«Раз вы завтра отвезёте меня в «Сайлентис», то, возможно, мы с вами больше не увидимся. Хотелось бы напоследок запомнить что-то приятное», — прозвучал в ушах голос Элианны. Я снова посмотрел на неё. Не отказался бы повторить всё прямо сейчас. И мне совершенно не нравится то,

что испытываю к ней. Пусть и к ней другой, но это всё равно неправильно. Да, Азерис яркая девушка, но когда я впервые увидел её в поместье, не испытал ничего, кроме азарта и желания поскорее начать приводить в исполнение план. Ни о какой постели даже мысли не возникло. А стоило ей потерять память...

Стараясь не потревожить сон Элианны, я поднялся с кровати и прошёл к шкафу. Скоро должна прийти Майрия, надо дать ей указания насчёт завтрака госпожи и обеда. Я достал вешалку с рабочим костюмом и чистую рубашку. Пожалуй, Майрии ещё нужно оставить ключи от флигеля: пусть займётся стиркой. Скорее бы уже Мэдейлин подыскала нам какую-нибудь подходящую прислугу. Надеюсь, она будет потолковее и поспокойнее.

Тут я вспомнил про царапины, которыми обзавелась Элианна после беготни по саду. Надо бы оставить ей мазь, а то ведь служанка может не найти. В таких вопросах я ей пока не доверяю.

Я тихо вышел из спальни, осторожно прикрыв за собой дверь, и направился в ванную. Привести себя в порядок, одеться, сделать отвар и пойти в кабинет: собрать нужные бумаги, которые забрал домой на время брачной недели. Начальство строго запретило мне появляться на службе.

— Увижу вас здесь во время брачной недели, выпишу штраф за неисполнение приказов начальства, — делано хмурясь, предупредил меня господин Эрранс и даже постучал

пальцем по столу. — А то, чего доброго, вздумаете бросить молодую жену и сбежать на службу. Знаю я вас, друг мой.

Пришлось подчиниться. Конечно, Эрранс ничего мне не сделал бы, появившись я в Доме правосудия раньше, однако «молодая жена» привнесла в мою жизнь такой хаос, что и в самом деле не возникло мысли сбежать на службу.

Кабинет встретил тишиной и ярко мерцающим кристаллом с домовым духом. Я подошёл и приложил к нему руку, приглушая свечение. Вообще-то, я должен быть ему даже благодарен... за приятно проведённую ночь. Однако взгляд невольно упал на рамку, и настроение мигом упало, а от мыслей о прошедшей ночи в душе появилось чувство вины.

Я подавил желание перевернуть рамку лицом к себе и посмотреть на родные лица. Если продолжу в том же духе, скоро вообще не смогу смотреть на них. И так уже кажется, что я предал их память, и особенно память Лины.

Нельзя, нельзя позволять Элианне привязать меня к себе. Да, спать с ней приятно и иногда можно себе это позволить, но только без чувств. В конце концов, вчера девчонка сама начала всячески меня соблазнять. Упрекнуть себя на сей раз мне даже не в чем. Пусть она и не шлюха из борделя, но я женился с определённой целью, и впредь нужно постараться всегда помнить об этом.

*

Я вышел из машины и, закрывая дверь, впервые за неделю почувствовал себя свободным. Посмотрел на монумент

тальное, серое здание Дома правосудия и глубоко вдохнул свежий утренний воздух. Наконец-то можно расслабиться: вырваться из дома, забыть на время о странностях жены, не слышать бестолковой болтовни чужой служанки и погрузиться в привычные дела.

— Кого я вижу, — раздался совсем рядом непривычно радостный голос. — Молодой муж пожаловал в ряды доблестных слугителей бога правосудия.

Я обернулся и хмыкнул. Позади стоит Яник и широко улыбается. На руке висит сюртук, вид слегка встрёпанный. Наверняка опять убегал из дома в спешке под хор из детских воплей.

— Рэмис, ты ли это? Я тебя не узнаю. Ты, кажется, шутить пытаешься? И неужели вспомнил, как улыбаться?

— Можно подумать, ты всегда весел, — фыркнул Яник и подошёл совсем близко. — Но вообще-то выглядишь вполне довольным. Похоже, молодая жена делает успехи в освоении... супружеских премудростей.

— Не уподобляйся некоторым, — проворчал я. — Моя жена, как и положено, образец скромности и добродетельности.

— Под твоим руководством быстро научится плохому, — осклабился Рэмис.

— Ты с утра успел настойки принять? — Я скептически прищурился. — Что-то разошёлся не на шутку.

— Ладно, я понял, что шутить ты не настроен. Кстати о

шутках. Ты с Эксерсом вчера не общался?

— Нет, а должен был?

— Просто я подумал, что он наверняка с тобой свяжется и станет жаловаться.

— На что?

Яник заулыбался ещё шире, в глазах заплясали демонята. Прямо как накануне у Элианны.

— Да что с тобой такое? — хмыкнул я, расстегнув несколько верхних пуговиц сюртука. — Я начинаю волноваться за твоё здоровье.

— Просто в воскресенье я всё-таки наложил на него заклятие. — И Яник расхохотался. — Он же наверняка поехал провожать Инию. Представляешь, какое его ждало разочарование?

Я поднял голову, глядя на ярко-голубое утреннее небо, и прикрыл глаза. Да, эти двое не меняются и, наверное, никогда уже не повзрослеют.

— А об Инии ты не подумал?

— Не думаю, что Эксерс не нашёл способ её... порадовать, — хохотнул Яник. — Главное, что сам остался ни с чем.

— Вы друг друга стоите. — Я пожал плечами. — Но, судя по всему, ты даже не заметил, что он и на тебя успел наложить заклятие.

Лицо Яника вытянулось, в глазах полыхнуло возмущение.

— Вот ведь засранец, — искренне возмущился он, встряхнув сюртук. На землю упал ярко-жёлтый детский мячик. —

Дети, чтоб их... Неужели Эксерс думал, что у меня после такого дня ещё останутся силы на супружеский долг?

Я нагнулся и поднял игрушку, протянув её Янику.

— Спасибо, — кивнул тот. — Как они умудряются рассовывать их везде? Хорошо хоть не на совещании выпал. Тот бы все повеселились. А дурак Эксерс ещё что-то там воображает.

— Будто ты не знаешь Эксера. По его мнению, на супружеский долг силы найдутся всегда.

— Прямо-таки жаль, что у них с Инией уже вряд ли будут дети. А то уж я бы ему отомстил... Припомнил все его утверждения, особенно когда у детей начали бы резаться зубы. А ещё они болеют непременно все разом. Да и вообще...

Яник резко развернулся и направился к своей машине. Мячик в руке придавал ему забавный вид, особенно в сочетании с ворчливым тоном.

— Надо же, а, заклятие он на меня наложил. Ну какая, к демонам рогатым, супружеская близость? Днём пришлось выйти на службу из-за этого нового дела, потом дети довели до ручки, и вот пришли после вас домой, а там все на ушах стоят: Саина рыдает, девочки рыдают. Это бестолочь Майрия как увидела, и давай тоже рыдать. Кстати, совсем забыл спросить, добралась ли она до тебя.

— Я бы сказал, если нет. Пришла на пять минут раньше, все указания внимательно выслушала, вела себя тихо и спокойно.

— Похоже, ты как-то по-особенному на неё действуешь, — пробурчал Рэмис. — Она такой довольной выглядела, собираясь к вам.

— Я просто не ворчу на неё за каждый промах, — хмыкнул я. — Так что там у вас стряслось позавчера?

— Вполне привычный сумасшедший дом. Оказалось, Эйна проглотила носок от куклы Лирны. Вот прямо только что, перед нашим приходом. Мы с Мэди уже хотели связываться с Эксерсом, а потом этот дурацкий носок нашёлся на полу. А проглотила Эйна не его, а конфету, только та оказалась слишком большой, она едва не подавилась и начала рыдать. А Лирна не нашла носок и тоже начала рыдать. Саина перепугалась: что с неё взять, немолода уже, неповоротлива... Короче, говорю же, сумасшедший дом.

Я с серьёзным видом покивал, стараясь не думать о том, что и сам давно мог бы жить в такой же обстановке. Лина всегда хотела большую семью, но у нас далеко не сразу вышло зачать ребёнка... Теперь мне подобное точно не грозит.

— Так что, дружище, я тебе заранее сочувствую, — уже открывая дверцу машины, закончил Яник. — Как только у вас появится хоть один отпрыск, о спокойной жизни забудете. А супружеская близость точно превратится в долг.

— Всё, всё, напугал, — отмахнулся я, поправляя воротник рубашки. — Мы не собираемся спешить с детьми, Рэмис, поверь мне.

— А вообще-то, и надо бы, ты ведь уже не так молод, —

заметил тот, бросил мячик в машину и с явным раздражением захлопнул дверь. — Тянуть тоже не стоит.

— Спасибо за пожелание долгих лет жизни, — скривился я, вспомнив о том, что сказала Элианне Иния.

— Извини, кажется, я сказал лишнего. Просто раз уж ты женился, невольно приходят мысли о продолжении рода.

— Только вот для начала нужно узнать, что с памятью Элианны, — напомнил я. — Как раз сегодня после обеда поедем к тёмному целителю. Придётся отпрашиваться у Эрранса и пропускать половину рабочего дня.

— Да брось, преступники за полдня никуда не денутся, — хмыкнул Рэмис, подходя ко мне. — И причина у тебя уважительная. Надеюсь, твоя супруга поправится.

— Спасибо, — кивнул я, но на душе опять стало тревожно.

— Ладно, пойдём, а то Эрранс нас за опоздание точно по головке не погладит. — Яник кивнул на здание Дома правосудия. — Сейчас введёт тебя в курс дела, которое мы начали.

— И что за дело?

— Пусть лучше Эрранс тебе сам всё расскажет. А то сам понимаешь, конфиденциальность...

Я пожал плечами, и мы направились к парадному входу, куда уже всюю стекался народ. Я тут же попал под шквал поздравлений. Все, кто встречался нам на пути на лестнице, возле тяжёлых, резных дверей и в холле считали своим долгом за меня порадоваться.

— О, Норден, ты теперь молодой муж? Поздравляю, поздравляю, давно пора.

— А я давно говорил, что пора тебе было выйти из роли безутешного вдовца. Столько лет прошло. А жена твоя, говорят, девушка с характером.

— Ему под стать, что уж там. Но как же неожиданно-то! Мы с Айлией даже подумали, уж не ошиблись ли газетчики...

— Адриэн, прими поздравления от нас с супругой. Мы оба за тебя от души рады.

— Желаю долгих и счастливых лет и здорового потомства.

— Вот и я говорю: это главное, — поддакнул Рэмис, пихнув меня в бок. Мы как раз подошли к стойке дежурного. Аморен поднялся со своего места и поприветствовал нас широкой улыбкой.

— Доброе утро, господин Норден, господин Рэмис. Господин Норден, хочу поздравить вас со счастливым событием. Пусть боги даруют вам и вашей супруге здоровье и все возможные блага.

— Благодарю, Аморен. Как здоровье вашей супруги?

— О, ей лучше, гораздо лучше. Правда, пока рано успокаиваться, но мы не теряем надежды...

— Что ж, от души желаю ей скорейшего выздоровления.

— Благодарю, господин Норден. Сейчас я выдам вам ключ. Господин Рэмис, а ваш ключ вы, полагаю, унесли с собой.

Яник похлопал себя по карманам и извлёк ключ. Аморен вздохнул с явным облегчением.

— Вы уж, господин Рэмис, постарайтесь больше не уносить ключ с собой. Сами понимаете, если какая проверка, мне не поздоровится и...

— Знаю, — буркнул Яник. — Вышло случайно. Когда у тебя дома дети, а на службе гора дел, всё на свете позабудешь.

Я взял протянутый мне ключ и сунул в карман. Следом за нами подошли два стражника, ведущих тщедушного типа в кандалах.

— Господин Норден, благоденствия вам и вашей супруге, — с поклоном сказал один из них, а второй просто молча поклонился. — Пусть боги даруют вам здоровых детей.

Яник, уже не скрываясь, начал посмеиваться. На моё счастье, Аморену что-то не понравилось в сопроводительных бумагах, и мы с Рэмисом смогли уйти. А когда наконец оказались перед дверью зала совещаний, совмещённого с кабинетом господина Эрранса, Яник заметил не без ехидства:

— И это не конец твоих страданий. Эрранс наверняка тоже захочет тебя поздравить.

Я тяжело вздохнул. Ладно, нужно просто пережить все эти лицемерные улыбки. Меня здесь мало кто искренне любит, особенно после случившегося семь лет назад. Мы вошли в просторный, светлый зал со столами-партами, похожий на аудиторию академии, где уже собралось несколько коллег из

нашего отдела. Начальства пока не наблюдалось. Мы с Яником прошли на свои места в первом ряду, и я отвесил ещё несколько поклонов в ответ на поздравления.

— Ну что, Адриэн, как тебе жизнь семейная после столько-то лет? — спросил меня Эдис, начальник сыскного подразделения, смешно пошевелив своими кустистыми, седыми бровями.

— Отлично, — ответил я, но закончить мне не дали.

— Иртен, неужели не видишь, как он от счастья светится? — вмешался Рэмис. — Или ты, может, за неделю забыл, какой наш Адриэн разговорчивый и как любит обсуждать свою личную жизнь. Ты вот лучше расскажи, как вчера съездил на рыбалку.

Я едва сумел подавить ухмылку. Эдис всё время хвалится уловом, хотя никто ни раз не видел его добычу, и ему давно никто не верит. Зато все посмеиваются за спиной. И Яник сейчас задал свой вопрос нарочно.

— О-о, — оживился Эдис. — В этот раз, признаюсь, мне повезло меньше, чем в предыдущий, но...

И он принялся показывать, какого размера рыбину выловил накануне, а я подвинул к себе лист бумаги и ручку: Эрранс всегда следит за тем, чтобы его работникам было, куда записать важные моменты. Вполуха слушая болтовню Иртена и притворные восхищения Яника, я кивал на приветствия тех, кого ещё сегодня не видел, и написал в углу листа дату. Интересно, как там Элианна, и не вытворит ли Майрия что-

нибудь?

Внезапно гул голосов стих, и из боковой двери появился господин Эрранс со своей неизменной тросточкой. Оглядев нас, он заметил меня и с явной радостью кивнул.

— Добрый день, коллеги, рад видеть всех в сборе и добром здравии, — начал он. — Перед тем как перейти к делам, хочу от всей души поздравить нашего дорогого Адриэна с новым статусом, пожелать ему и супруге счастья, долголетия и многочисленного потомства.

— Благодарю вас, господин Эрранс. — Я встал и поклонился. — Хотелось бы, чтобы ваши пожелания сбылись.

— Да будет так, — улыбнулся тот, и все присутствующие зааплодировали. Я обернулся, снова поклонился, теперь уже коллегам, и сел. Неужели всё?

— И, раз уж мы заговорили о вас, я попрошу вас остаться после совещания, Адриэн.

— Конечно, господин Эрранс, — кивнул я, вспомнив о словах Рэмиса насчёт нового дела.

Эрранс тем временем уселся за стол, пристроив рядом трость, пригладил чёрную с проседью бороду, откашлялся и заговорил:

— Итак, начинается новая рабочая неделя, и я хотел бы напомнить вам, что двигать вашей работой должно единственное желание — чтобы справедливость всегда торжествовала. Как вы знаете, главное на повестке дня — дело об исчезновении юной госпожи Мариенс. Однако сперва хоте-

лось бы слышать отчёты по другим расследованиям. Давайте начнём с кражи в поместье Солер.

Со своего места поднялся следователь Берриен, взял папку и начал монотонно зачитывать свои записи. Он настолько горит работой, что, кажется, даже Эрранс едва не засыпает, слушая его отчёты. Но, по крайней мере, это что-то привычное. Как и эти стены, и лица коллег, и Эрранс с его тростью. Вот здесь, пожалуй, я по-настоящему дома.

*

— Что ж, Адриэн, примите ещё раз мои поздравления. Лорина просила передать, что так же очень за вас рада и желает счастья вам и вашей супруге. Надеюсь, вы не откажетесь прийти на приём по случаю обручения нашей старшей дочери?

Как будто я и правда могу просто отказаться.

— Конечно, Анди, — сухо улыбнулся я. — Поздравляю и вас. Кто жених?

После того, как были выслушаны все отчёты, и Эрранс раздал указания, сделал выговоры и скупно похвалил нескольких отличившихся, мы прошли в его кабинет, и теперь я сидел в кресле напротив начальника. Жду не дождусь, когда закончатся светские расшаркивания, и мы перейдём к делу. Меньше всего мне интересно, за кого отдаёт дочь Эрранс, но вежливость требует порадоваться за счастливого родителя.

— За господина Оринса, — ответил Анди и приосанился, а я едва удержался, чтобы не скривиться. Оринс — тот ещё

тип. Ему хорошо за пятьдесят, и это будет его третий брак: двух предыдущих жён он уже свёл в могилу. А ведь дочери Эрранса едва исполнилось двадцать.

— Что ж, прекрасная партия, — ответил я, оглядывая стол хозяина кабинета с ровными стопками папок.

— Вот и я чрезвычайно обрадовался. Всё-таки мы с Ромэном давние друзья, и я рад, что дочка окажется в надёжных руках. Приглашение на приём я пришлю позже: мы никак не определимся с датой.

— Спасибо, мы с радостью приедем. — Я выдавил натянутую улыбку.

— Будем очень рады познакомиться с вашей новой супругой. Я слышал, что женились вы на младшей дочери Бруно Азериса?

Я кивнул.

— Очень уважаемое семейство, а главное, с безупречной репутацией. Вообще, я очень рад, друг мой, что вы наконец-то остепенитесь и станете примерным семьянином. Сами понимаете, лично мне всё равно, что пишет о вас «Сплетник», но обыватели могут составить себе неправильный портрет работника правосудия нашей прекрасной и процветающей Империи.

Началось. Сейчас последует лекция на полчаса о важности хорошей репутации. Надо попробовать отвертеться...

— Вот именно этим я и руководствовался, когда познакомился с Элианной и принял решение жениться, — с серьёз-

ным видом покивал я. — Подумал, что вы, безусловно правы, и нужно блюсти репутацию. Да и лет мне немало...

— И вдовствовали вы уже достаточно времени, — поддакнул Эрранс, начав перебирать папки на столе. — Умерших не вернуть, а жизнь скоротечна. Очень надеюсь, что вы не станете тянуть с наследниками. Всё же, что ни говори, а дети — наше счастье. Когда смотрю на своих, понимаю, что прожил жизнь не зря. Конечно, и служба важна, и достижения, но именно в детях мы продолжаемся...

«А уж процесс продолжения рода особенно приятен», — прозвучал в голове голос Эксерса. Я еле удержался от усмешки.

— Вы совершенно правы, Анди, — ответил я. — Непременно озабочусь этим вопросом.

С ним всегда проще согласиться, да и не объяснять же ему, почему у нас с Элианной не будет детей.

— Хорошо, что вы это понимаете. Впрочем, я всегда считал вас здравомыслящим человеком. Ладно, друг мой, что-то я совсем вас заболтал. Просто очень радуюсь за вас.

Я улыбнулся, и на сей раз вполне искренне. Может, Эрранс и помешан на репутации, но человек он хороший. А уж после Алиенса и вовсе кажется идеальным начальником.

— Кстати, раз уж мы заговорили о моей супруге, — начал я, — хотел попросить вас об одолжении. Дело в том, что незадолго до свадьбы с Элианной случилась неприятность — по непонятной причине она лишилась памяти, и я соби-

раюсь отвезти её на приём к тёмному целителю.

— О, друг мой... — Эрранс тут же помрачнел. — Как это ужасно! Если я могу чем-то помочь... Сами знаете, у меня связи в разных областях...

— Спасибо, обязательно буду иметь в виду ваше великодушное предложение. Но пока нужно хотя бы целителю показаться. Приём назначен на сегодня, на четыре часа. К сожалению, на прошлой неделе у целителя Артиса всё было расписано. Если бы вы могли отпустить меня чуть раньше...

— Конечно, конечно, Адриэн, какие вопросы! Сейчас я введу вас в курс того самого дела, посмотрите его, и можете быть свободны.

— До обеда я точно останусь: нужно включаться в работу, — ответил я, взяв из стаканчика для посетителей ручку. — Так что это за дело?

— Дочь господина Мариенса... помните его?

— Заместитель министра транспорта и дальний родственник супруги его Величества, — ответил я. — Знаком с ним лишь шапочно.

— Да-да, именно он. Так вот, его семнадцатилетняя дочь Юниса исчезла три дня назад при загадочных обстоятельствах. Никто ничего не видел и не знает. Пропала и её служанка. Отец уверен, что она сбежала с каким-то мужчиной. Предварительные допросы слуг пока ничего не дали.

Эрранс наконец открыл папку и протянул мне.

— Вот, здесь всё, что пока удалось собрать. Я пока взял

это дело под личный контроль, но, сами понимаете, есть определённые сложности... — Он кивнул на свою трость. — Поэтому я рад, что могу назначить главным по этому делу вас вместо себя.

— Как скажете, Анди.

— Вам нужно будет съездить в дом и самому допросить слуг и господина Мариенса, но сначала договоритесь о встрече. Отец пока в таком горе, что толком ничего сказать не может, на вопросы отвечал его секретарь, но прошло уже немало времени, так что стоит поторопиться. Да и вам нужно время, чтобы изучить материалы.

Я кивнул, принимая папку, а Эрранс прибавил:

— Сами понимаете, что дело должно получить как можно меньше огласки как в прессе, так и среди обывателей. Если девочка найдётся, отец, конечно, попытается избежать чёрных списков. Но сейчас важно, чтобы она нашлась живой и невредимой.

— Когда именно она исчезла?

— Последний раз её видели в пятницу вечером. — Эрранс нахмурился. — Но если она и правда сбежала, то найти её может и через год, хотя это будет удар по нашей репутации. Пока всё указывает на давно спланированный побег: нет самых необходимых вещей, исчезла служанка и два чемодана. В общем, по всему выходит, что дочь опозорила отца...

Его прервал тихий стук в дверь, и Анди встрепенулся, вытянув из нагрудного кармана часы, одновременно сказав:

— Войдите.

В дверь просунулась голова секретаря.

— Господин Эрранс, господин Пэйрен уже прибыл и ожидает...

— Попроси подождать ещё буквально минуту, — попросил Анди, тут же вытащил из другого кармана платок и принялся промокать лоб. — Простите, Адриэн, это из министерства, важная беседа...

— Конечно, конечно. — Я поднялся, сунув папку под мышку, и отвесил Эррансу поклон и направился к выходу.

— Если возникнут вопросы, я в вашем распоряжении, — прибавил тот.

— Благодарю, — ответил я и вышел в приёмную.

К счастью, коридоры уже опустели: все разошлись по своим рабочим местам. Я беспрепятственно добрался до кабинета с именной табличкой, достал ключ и отпер дверь. Пройдя через приёмную, где должен был бы сидеть секретарь, если бы он у меня имелся, я вошёл в кабинет, встретивший привычными запахами чернил, бумаги и дерева.

Сел за стол и посмотрел в окно на город. В этот час в первый рабочий день на улицах всегда много народу: кто-то спешит на службу, служанки — на рынок или в лавки, там и сям шныряют мальчишки-газетчики, иногда попадаются дамы с маленькими собачками, которых ведут служанки. Обычная жизнь, которая столько лет меня не интересовала. Ладно, хватит глазеть по сторонам.

Я открыл выданную Эррансом папку и погрузился в изучение результатов предварительного следствия. Пропавшей девчонке почти восемнадцать, два года назад вернулась из пансиона. Отношения с отцом напряжённые, слуги утверждают, что она при нём по большей части молчала. Сама прислуга, впрочем, вела себя крайне осторожно и сдержанно. И в их показаниях были некоторые несоответствия.

Не очень понятно, зачем нужно было девчонке тащить с собой служанку. Пока это единственное, что выбивается из стройной картины, нарисованной отцом. Слуги — ненадёжные союзники в таких делах. Хотя, наверное, можно списать на юность и наивность госпожи Мариенс: именно так описывают её и слуги, и отец. И всё-таки...

Завтра нужно будет съездить на место и допросить Мариенса и слуг, на сей раз уже имея на руках больше фактов. А вообще, история с любовником, если это окажется правдой, как-то слишком сильно перекликается с Элианной. Мысли опять невольно вернулись к девчонке. Нет, пора с этим заканчивать. На службе нужно думать только о службе, а не о жене и её странностях. Хотя, наверное, я всё-таки зря не поделился с ней силой. Уж очень необычно на Элианну влияют любые магические вмешательства. Надеюсь, она как-нибудь справится.

Глава 7

Полина

Я с трудом разлепила тяжёлые веки, приподнялась на локтях и, щурясь, вгляделась в светящийся циферблат часов. Даже когда приходилось каждый день вставать на работу в половине седьмого, и то, кажется, никогда так трудно не было. А сейчас на часах почти полдень, а я будто не спала всю ночь.

Прикрыла глаза и упала обратно на подушку. Похоже на то, что чувствовала вчера после «общения» с домовым духом, когда уснула прямо на полу. Вспомнив о духе, невольно вздрогнула. А потом пришли другие воспоминания, и я застонала, уткнувшись в подушку.

Ночью я самым бесстыдным образом домогалась мужа. Вот уж никогда бы не подумала, что способна на нечто такое. С Антошей точно никогда не испытывала подобных порывов, инициатором обычно был он, а тут... Щёки залила предательская краска, и я машинально натянула повыше одеяло. Глупо, я же одна в кровати.

Ладно, у меня было целых две уважительные причины: пережитый ужас, который требовал выхода, и мысль, что, скорее всего, последний день провожу в нормальных условиях. На ум пришла популярная французская песенка, герои кото-

рой спрашивают друг друга, что будут делать, если им суждено умереть прямо завтра. Одни, мол, сядут в самолёт, другие останутся дома, закрыв глаза... Была там и такая строчка: «Кто-то займётся любовью... в последний раз». Вот и я решила сделать так же. Но если ночью это казалось логичным, то сейчас стало очень стыдно. И как теперь Адриэну в глаза смотреть?

Хотя... он вроде тоже против не был, ему жаловаться не на что. Да и долго ли мне ещё удастся вообще его видеть? Может, всё-таки признаться? Нет, лучше придерживаться первоначального плана: сначала послушать, что скажет этот тёмный целитель. По телу прошёл неприятный озноб. Блин, ужасно хочу по-маленькому. Нужно срочно выползать из постели и бежать в ванную. С остальным будем разбираться потом.

Я кое-как встала и поморщилась, опустив взгляд на перевязанные ступни. Нужно будет размотать повязки и посмотреть, в каком состоянии мои многострадальные ноги. Мне же в любом случае придётся сегодня влезать в туфли. Но сейчас главная задача — добежать до ванной комнаты.

Я подобрала со спинки кровати свой махровый халат и, завернувшись в него, бегом кинулась в коридор, стараясь не обращать внимание на саднящие ступни. Управившись со срочными делами, включила воду, решив принять ванну, и посмотрела на себя в зеркало. Ужас, летящий на крыльях ночи, иначе не скажешь. Волосы растрёпаны, на щеках ка-

кой-то нездоровый румянец, глаза испуганные...

Хорошо, что мужа нет дома. Интересно, а Майрия пришла? Надо быстренько принять ванну, одеться и сходить на разведку. Есть хочется ужасно, а ещё я бы с удовольствием выпила кофе. Надо узнать, может ли Майрия его сварить. А то из-за дурацкой аллергии мне пришлось вроде как соблюдать диету. Отвар, может, и полезен, но кофе очень хочется, пусть он и не совсем такой же, как в нашем мире.

Я размотала бинты и осмотрела повреждения. Ничего ужасного, обычные царапины. Одна, правда, довольно глубокая, но это точно не смертельно. Попрошу у Адриэна мазь и сама их обработаю, когда вернётся... вернее, *если* вернётся. Я осторожно забралась в ванну, быстро привыкнув к неприятному пощипыванию, и погрузилась в воду. Может, в последний раз могу вот так полежать в тёплой, приятной водичке...

Хорошенько отмокнув, тщательно вытерлась и заплела косу, не став дожидаться, пока волосы высохнут. В душе поселилось полное равнодушие. Кажется, я просто устала бояться. Что будет, то будет. Да, Адриэн сказал, что не оставит меня в «Сайлентисе», но он же не знает, кто я на самом деле. Бежать мне некуда, да и есть ли смысл пытаться? Я понятия не имею, куда можно сбежать, сколько нужно денег на проживание и, главное, где их взять: сомнительно, что мне хватило бы выигрыша. Да и вряд ли при местных порядках женщина может поселиться одна в гостинице. К тому же благо-

даря какой-то там брачной магии муж меня всё равно найдёт. Если надо, из-под земли достанет.

Я вздохнула и, надев халат, отправилась к себе. Выбрала домашнее платье и переоделась. Всё, можно идти на разведку в кухню. Но сначала стоит вернуться в спальню Адриэна и привести в порядок постель. Как-то неловко пускать в хозяйскую комнату служанку, тем более чужую.

Однако вернувшись в спальню, я снова смутилась. Даже не представляю, как пройдёт наша встреча с мужем. Хотя... что это я? Вообще-то, он меня в психушку везти собирается. Я разгладила простыню, тщательно поправила подушки: точно помню, что, когда я здесь оказалась, они лежали плашмя. Встряхнула одеяло и постаралась, чтобы на нём не было складок. Ну вот, уже лучше. Осталось накрыть покрывалом.

Когда кровать приобрела прибранный, аккуратный вид, я облегчённо вздохнула. Ещё раз оглядела комнату на случай, если что-то упустила. Спальня хозяина дома обставлена просто: кровать, тумбочка возле неё и платяной шкаф. Больше ничего. Ясное дело, что здесь он появляется реже всего.

И тут мой взгляд упал на баночку, стоящую на тумбочке прямо возле часов. Похоже, Адриэн оставил мне ту самую мазь от ран. В душе снова разлилась тёплая волна. Нашёл время и обо мне позаботиться... Вот бы его забота когда-нибудь стала искренней. Ладно, хватит мечтать о глупостях, пора отправляться на поиски завтрака. Обработаю порезы позже.

Как раз, когда я выходила из спальни, открылась входная дверь, и в дом бочком протиснулась Майрия. Увидев меня, служанка явно обрадовалась. Поклонилась и затараторила:

— Добрый день, госпожа Норден. Как я рада, что вы проснулись. А то, знаете, ваш супруг велел мне связаться с ним, если вам худо станет. Я уж собиралась пойти проверить, ведь половина первого на дворе, скоро ваш супруг придёт обедать, а вы всё не встаёте. Вы, наверное, меня потеряли? Сейчас я завтрак подам. Господин велел заняться стиркой, вот я и бегаю: то в дом, то во флигель...

Я усмехнулась. Признаться честно, поток слов, вырывающихся из Майрии, как-то успокаивал. Даже страх отступил, пусть и временно. А вот то, что Адриэн уже скоро будет дома, напрягло.

— Да, конечно, разогрей мне завтрак, я поем в кухне, — ответила я, внутренне поёжившись. Как-то не готова я к этой встрече...

— Я мигом, госпожа. Вы и глазом моргнуть не успеете.

Майрия захлопнула входную дверь и метнулась в кухню, где тут же что-то загремело. Я прошла следом и уселась за стол. Служанка как раз поднимала с пола сразу несколько ложек.

— Сегодня на завтрак творожная запеканка, госпожа. Ваш супруг сказал, что завтракать не будет, и чтобы я приготовила что-то на своё усмотрение. Он ещё сказал, чтобы я постаралась вас не отравить. А я что? На меня господа Рэми-

сы никогда в этом деле не жалуются. Я для их деточек всегда делаю такую запеканку, они любят и добавки просят. Только малышка Эйна иногда капризничает. Но уж это не моя вина, просто все малыши такие. У меня же много братиков и сестричек, младшеньких я и нянчила, так что уж знаю толк в малышах и том, что они любят...

Я еле удержалась, чтобы не засмеяться. Понятно, почему хитрый Адриэн сбежал, не став даже завтракать. Подобный фонтан красноречия просто так не остановить даже его суровыми взглядами. Майрия между тем собрала упавшие ложки и открыла духовку.

— Я сейчас что угодно съем, — ответила я. — Ты лучше скажи, можешь ли сварить кофе?

— Ах, конечно, госпожа, я всё умею! — Служанка повернула одну из конфорок, закрыла духовку и повернулась ко мне. — Посмотрю, если ли всё нужное. Вы уж простите, что ждать приходится. Я ведь не знала, когда вы проснётесь...

— Ничего, я не спешу, — милостиво отмахнулась я, удобнее устраиваясь на стуле.

— У вас спокойно, — доверительно сообщила Майрия, открывая дверцу подвесного шкафа. — А у господ Рэмисов утром приходится побегать: и завтрак приготовить, и помочь госпоже Мэдейлин с детками, ведь Саина уже не такая шустрая, на подхвате только. А если господин Яник с утра не в настроении... — Служанка поднялась на цыпочки и извлекла с полки большую банку. — А вот и кофе, госпожа. Сейчас

всё сделаю.

Я представила себе неприветливое лицо Яника. Интересно, что значит «не в настроении»? Это ещё хуже, чем то, что я наблюдала позавчера? Однако уточнять не стала: не обсуждать же с прислугой друзей мужа. Вдруг я всё-таки останусь с ним жить и придётся часто их видеть.

— Так вот, госпожа, если что-то нужно, вы говорите. Со стиркой я почти закончила, осталась самая малость. — Майрия наклонилась, заглянула в нижний шкаф, потом во второй и извлекла оттуда кофейник. — Это не то что у господ Рэмисов, где детки постоянно пачкаются. Но вы только не подумайте, что я жалуюсь. Мне у них нравится.

— Не сомневаюсь, что тебе хорошо у господ Рэмисов, они прекрасные люди, — рассеянно кивнула я.

— Вы правы, госпожа, ой как правы! Таких господ ещё поискать.

Майрия наполнила кофейник водой и вернулась к плите. По кухне тем временем поплыл аромат запеканки, и мой бедный желудок свело, а рот наполнился слюной. Может, и нормальную еду сейчас попробую в последний раз?

В душе что-то болезненно заныло. Нет, нельзя поддаваться панике. Однако сколько ни уговаривай себя, что даже плохая определённости лучше, чем неизвестность, легче не становится.

— Говоришь, господин Норден уже скоро будет здесь? — уточнила я, пользуясь тем, что Майрия занялась кофейни-

ком и ненадолго замолчала.

— Да, госпожа. Я вот уже и обед приготовила, потому что господин ваш супруг сказал, что вы уезжаете и вам никак нельзя опаздывать.

Я поморщилась. Глупо было надеяться, что Адриэн передумает, но надежда, пусть и призрачная, всё-таки грела душу. Теперь же стало окончательно ясно, что поездка не отменяется.

— Он сказал, что я смогу сразу вернуться к господам Рэмисам, потому что вернётесь вы поздно и поужинаете в таверне.

Я рассеянно покивала. Сомнительно, что мне доведётся ужинать с мужем. Лучше сразу готовить себя в худшем...

— А ваша запеканка уже разогрелась, — прибавила Майрия и, сняв с крючка возле плиты прихватку, открыла духовку, откуда вытащила небольшую сковороду. Поставила её на плиту рядом с кофейником и кастрюлей, на которую я как-то не обратила внимания, и потянулась к подвесным шкафчикам.

Когда передо мной наконец возникла тарелка с румяным кубиком запеканки, я еле удержалась, чтобы не накинуться на неё и не съесть в один присест. Пока я медленно жевала запеканку, сварился кофе, наполнив кухню прекрасным ароматом. Майрия, на время моего завтрака деликатно замолчавшая, поставила передо мной чашку. Я сделала осторожный глоток и зажмурилась. Жизнь на миг показалась не та-

кой мрачной, кофе согревал изнутри.

Однако долго наслаждаться не довелось: раздался щелчок замка, и почти сразу в кухню вошёл Адриэн. Несмотря на открытое окно, я даже не слышала, как подъехала его машина.

— Добрый день, Элианна, — сухо поздоровался он и посмотрел на мою тарелку. И, что странно, в его взгляде не было насмешки или осуждения за поздний завтрак.

— Господин Норден, обед готов, — тут же затараторила неугомонная служанка. — Сейчас подам, я мигом... Садитесь скорее. Уж я постаралась, чтобы суп получился вкусный, следила за всем внимательно.

— Помолчи и поумерь пыл, — оборвал её Адриэн. — Мне сначала нужно привести себя в порядок, потом можно и за стол. Элианна, вы будете обедать?

— Как видите, я ещё с завтраком не управилась, — ответила я, чувствуя смущение. И почему в этот раз муж не язвит? Неужели стесняется Майрию? Правда, смотрит без особой теплоты, будто ночью ничего и не было, но это как раз неудивительно: его обычное состояние.

— Нам с вами нужно выехать около двух: лучше приехать раньше и подождать, чем опоздать. Заканчивайте с завтраком и идите собираться.

С этими словами Адриэн вышел из кухни и, очевидно, отправился в ванную, а я вернулась к своему кофе. Правда, всё удовольствие как-то разом пропало. Майрия, будто почувствовав моё состояние, весело защебетала:

— Сейчас я вам сделаю красивую причёску, госпожа. Я это умею, меня учили.

— Мы едем не в гости и не на прогулку, — со вздохом ответила я, глядя на остатки кофе в чашке. — А к целителю.

— Ах, бедненькая госпожа. Но ведь причёска-то вам всё равно нужна. Моя старенькая хозяйка всегда говорила, что какие бы невзгоды ни переживала женщина, она должна быть красивой. И сама до самой смерти просила делать ей причёски и красить лицо. А уж какие платья носила, загляденье. Покойный супруг оставил большое состояние, так вот она каждый месяц заказывала новые наряды. Думаю, и за Гранью моя дорогая госпожа самая красивая!

Майрия сложила вместе ладони и восторженно вздохнула.

— Хорошо, если ты настаиваешь, я не откажусь. — Я улыбнулась служанке. Её явная любовь к прежней госпоже сейчас показалась мне особенно трогательной. Наверное, ту старушку устраивала такая служанка. Может, даже нравилась её болтливость...

Как раз в этот момент вернулся Адриэн и молча сел за стол. Майрия тут же засуетилась, наливая ему очередной замысловатый суп. В глазах девчонки засветилось едва ли не обожание. Меня даже кольнуло нечто, похожее на ревность, но я быстро отогнала от себя это нелепое чувство. Вряд ли Адриэн с его снобизмом вообще считает служанку за человека.

— Я вам ещё нужна, господин Норден? — заискивающе

спросила та. — А то я обещала сделать госпоже причёску.

— Отлично, — ответил муж. — Можете идти.

Я равнодушно оглядела своё отражение в зеркале. Да, выгляжу неплохо — Майрия постаралась и с причёской, и с макияжем, — но какой всё это имеет смысл, если, возможно, совсем скоро меня разоблачат, и я перестану быть местной аристократкой? Превращусь в бесправную самозванку и хорошо, если Адриэн меня пожалеет и оставит при себе... вот только в качестве кого? Прислуги? Девицы для постели?

— Вам нравится, госпожа? — вмешался в мои мысли голосок Майрии. Обижать служанку не хотелось, хотя вообще-то по её милости я едва не лишилась нескольких прядей волос, и я через силу улыбнулась.

— Ты умница, Майрия. Постаралась на славу.

— Я только рада, если смогла быть вам полезной, — улыбнулась Майрия. — Может, вам нужна ещё какая-то помощь?

Я рассеянно пожала плечами и поправила рукава выбранного строгого платья под горло. И как раз в этот момент раздался стук в дверь, оказавшийся лишь данью вежливости: Адриэн не стал дожидаться моего разрешения и вошёл сам.

— Готовы? — спросил он, остановившись неподалёку от трюмо и оглядывая меня всё тем же холодным взглядом. А ведь я правда неплохо выгляжу, мог бы посмотреть и поласковее, особенно после прошлой ночи. Хотя... чего я жду? Сама к нему пристала.

— Если уже пора, можем ехать, — ответила я, глядя на то, как Майрия бочком протискивается мимо Адриэна к двери.

— А где ваши вещи? — Муж с явным недоумением оглядел комнату.

— Какие вещи?

— Я ещё вчера просил вас собрать необходимые вещи в дорогу. Если не можете собраться сами, попросите служанку.

Я поморщилась. С Адриэном всё время чувствую себя неразумным ребёнком, которому взрослый терпеливо объясняет очевидное.

— Но что именно я должна взять? Сумочка с необходимыми мелочами будет при мне.

— Кроме необходимых мелочей вам может понадобиться, например, запасная одежда, ночная сорочка, тапочки. Я понятия не имею, что именно может пригодиться женщине, Элианна. Вам явно виднее. Я же говорю, попросите Майрию, слуги знают, что нужно собирать в дорогу.

Под ложечкой начало неприятно тянуть. Что значит одежду, тапочки, ночнушку?

— Подождите, но ведь вы сказали... вы обещали, что не оставите меня в лечебнице! — воскликнула я, невольно сжав кулаки. В горле застрял противный комок, мешающий дышать и говорить.

— Я сказал, что не оставляю вас там в качестве постоянной пациентки. — Адриэн засунул большие пальцы в карманы

брюк. — Однако, возможно, вам придётся провести несколько дней под наблюдением целителей. Поэтому понадобятся личные вещи.

— Но я... не хочу там оставаться, — пробормотала я внешне севшим голосом и машинально подняла руки к шее. воротник платья будто начал душить.

— Это решать не вам, а целителю. Не волнуйтесь, там вполне комфортные условия проживания для пациентов из высшего общества, и вам не сделают ничего плохого, — невозмутимо ответил Адриэн.

— Вам-то откуда знать? — огрызнулась я, нервно одёргивая рукава платья и пытаюсь справиться с противным ознобом. — Сами же сказали, что не были пациентом тёмных целителей.

— Не был, но кое-что знаю об этом. В общем, вас это интересовать не должно, просто усвойте, что ваш статус гарантирует хорошее отношение, а любые действия будут сначала согласовываться со мной.

— Именно это и пугает больше всего, — процедила я. — Не вам же предстоит подвергаться обследованиям, поэтому вы можете разрешить делать со мной всё что угодно.

Адриэн даже бровью не повёл, только криво усмехнулся.

— Ваше право так думать. Однако не вижу смысла и дальше вести этот бессмысленный разговор. Майрия поможет вам собраться, дорожную сумку я ей дам. Когда будете готовы, зайдёте ко мне в кабинет.

Муж развернулся и быстро вышел из комнаты. Я даже сказать ничего не успела, только с возмущением уставилась за закрывшуюся за ним дверь. Непробиваемость Адриэна начинала всерьёз раздражать. Не оставит он меня в лечебнице, как же! Если обнаружат, что я не Элианна, сам же меня на опыты и сдаст.

Спустя пару минут вернулась Майрия, таща небольшой чёрный чемоданчик.

— Вот, госпожа, ваш супруг велел помочь со сборами. Вы скажите, если что-то особенно нужно, а с остальным я и сама справлюсь.

Я поморщилась и не без труда подавила желание взбунтоваться и нарочно ничего не собирать или наоборот набрать лишнего, чтобы этот саквояж не закрылся. Но благоразумие взяло верх. А что если меня всё же не разоблачат? Не стоит раньше времени настраивать Адриэна против. Это я сделать всегда успею.

Глава 8

Майрия шустро и без лишних вопросов собрала вещи. Я наблюдала, как она бежит от шкафа к комоду, от комода к раскрытому саквоюжу... Не знаю, как ей удалось так быстро сообразить, где что лежит, но меня это мало заботило. Внутри продолжала кипеть обида на Адриэна и его безапелляционный тон. Я села на кровать и невольно сжимала и разжимала пальцы, продолжая бездумно смотреть на служанку. Та, видимо, чувствовала, что я взвинчена, и работала молча.

— Всё, госпожа, — наконец заявила она, сидя на корточках и застёгивая сумку. — Будьте уверены, я ничего не забыла. Моя покойная госпожа иногда уезжала на курорт поправить здоровье, я всегда её вещи собирала и разбирала, опыт большой. — И она заулыбалась, явно довольная собой.

— Спасибо, — вяло кивнула я. — Скажи господину, что всё готово.

Майрия почти бегом кинулась выполнять приказ, а я представила себе, как иду по широкой, обсаженной кипарисами аллее где-нибудь недалеко от моря и вдыхаю пряный, пахнущий хвоей и солью воздух. И с трудом подавила вздох. Вот бы и мне на курорт вместо психушки. А ведь я могла бы уже собирать чемоданы перед поездкой в Сочи с Антоном... Так, всё, хватит себя жалеть.

Адриэн появился почти сразу же. Окинул меня критиче-

ским взглядом, взялся за ручку саквояжа и процедил:

— Идите за мной. Время поджигает.

Я нехотя встала и поплелась следом. Взяла с вешалки в прихожей накидку и влезла в туфли. Ступни отозвались саднящей болью. А я ведь так и не намазала их чудо-мазью. Ладно, что уж теперь.

Мы вышли за ворота, где стояла машина, Адриэн подсадил меня и захлопнул дверцу. Я откинулась на спинку сиденья и устало прикрыла глаза. Всё, пути назад нет. Не открывая глаз, слушала, как муж прощается с Майрией, как садится в машину... Странная слабость всё ещё давала о себе знать, и открывать глаза не хотелось.

Машина завелась и почти сразу же плавно тронулась с места. Я повернула голову влево и уставилась в окно на проплывающие мимо домики вроде нашего, утопающие в зелени. Может, вижу эту улицу в последний раз... А я по ней даже не прошла, видела только из окон машины. Интересно, почему здесь всегда так пусто? Хотя нет, вон по тротуару шустро идёт Майрия. Размахивает сумочкой и, судя по всему, совершенно счастлива. От вида служанки, свободно идущей по улице, стало ещё тоскливее, и я поспешно отвернулась от окна.

Да, положение служанок здесь незавидное, но участь женщины-аристократки, не способной распоряжаться своей судьбой, не сильно приятнее. Что толку быть выше по положению, если тоже не имеешь ни на что права? С тобой дела-

ют то, что нужно другим: выдают замуж, отвозят в психушку, заставляют быть милой и вежливой...

Мне вспомнился рассказ мужа о судьбе Инии. Столько лет терпеть ужасное обращение лишь потому, что в случае развода тебе запретят видеть детей. И всем вокруг плевать. Родители явно не примут с распростёртыми объятиями, общество осудит, и муж этим воспользуется...

Я подавила грустный вздох. А мои бедные родители, скорее всего, уже знают, что я пропала. Может, полиция уже допрашивает и их, и Ксюшу, и Антона. Кто, когда и при каких обстоятельствах видел меня в последний раз. Странно, но эти мысли уже не ранят так больно, как раньше. Может, я просто уже смирилась? Или то, что меня ждёт здесь, страшнее, чем статус пропавшей без вести в родном мире?

Пока я вертела в голове все эти тревожные мысли, мы ехали по таким же тихим улочкам, как наша, и, явно обогнув по широкой дуге центр, выбрались за пределы Леренса. По обеим сторонам дороги потянулись зелёные поля с ровными рядами каких-то злаков, и меня начало клонить в сон.

Сознание путалось, не давая сосредоточиться ни на одной мысли. Тревожный сон накатывал волнами, и из-за этого шум мотора то становился громче, то вовсе затихал. Иногда я ловила себя на том, что дёргаюсь. И наконец окончательно заснула.

Разбудила меня остановка и стук осторожно закрываемой дверцы. Поняв, что машина не движется, я в ужасе распах-

нула глаза. Неужели приехали, а я всё проспала? Сколько мы успели проехать, понятия не имею. Я осторожно огляделась: стоим на площадке возле какого-то мрачноватого вида одноэтажного домика из серого камня, рядом ещё один автомобиль. Не очень-то похоже на лечебницу. Магазин? Или, вернее, лавка? А может, станция техобслуживания? Я хихикнула: почему-то привычные понятия звучат здесь как-то нелепо. В это время из здания вышел молодой, худенький парнишка, судя по виду, явно слуга, с канистрой в руках. Блин, да это же заправка.

Я надвинула капюшон пониже и исподтишка наблюдала, как паренёк подходит ко второй машине, вставляет шланг в отверстие... А запаха бензина не чувствуется. Что у них тут за топливо? Я-то наивно думала, что они ездят на какой-нибудь магический тяге или артефактах. Машинами я никогда не увлекалась и права получить желания не испытывала, а сейчас вдруг стало по-настоящему любопытно. Однако расспрашивать Адриэна не хочется. По крайней мере пока.

Стоило подумать о муже, как он вышел из здания вместе с другим мужиком в похожей одежде. На его лице ярко выделялась смешная рыжеватая козлиная борода. Ну ясно, владелец второй машины. Они о чём-то болтают. Знакомы или просто разговорились? Хотя какая мне-то разница?

Я смотрела, как незнакомый мужик жестикулирует и смеётся. Звукоизоляция в салоне отличная: звуков с улицы вообще не слышно. Адриэн по обыкновению только вежливо

кивает. Руки в карманах, да и вообще весь вид говорит о том, что беседа его не слишком увлекает. Между тем парнишка-заправщик закончил с машиной и почти бегом вернулся в здание. Адриэн, продолжая делать заинтересованный вид, потихоньку перемещался ближе к машине. И оказавшись рядом с моей дверцей, открыл её.

До меня донёсся голос мужика:

— И вот, представляете, пришлось всё же применить артефакт. Можно сказать, вопрос жизни и смерти! Но, наверное, уже не успею до того, как ребёнок родится, и благоверная мне голову всё-таки откусит.

И он как-то визгливо и отрывисто засмеялся. Ощущение, будто смех из него сыпется. Вот это да. Неужели здесь есть женщины, способные откусить мужу голову, пусть и в переносном смысле? Я-то думала, они тут все перед мужиками на цыпочках ходят и дышать боятся. Адриэн между тем вежливо улыбнулся собеседнику.

— Что ж, в таком случае вам лучше поспешить, — заметил он, всё ещё не глядя на меня.

— И вы совершенно правы. Рад был побеседовать с вами. Куда я дел ключ? — Мужик хлопнул себя по карманам сюртука, потом — брюк, и в конце концов извлёк на свет какую-то штуку. — Что ж, желаю вам и супруге приятной поездки, — прибавил он.

— И вам того же, а вашей супруге и новорождённому — здоровья.

Мужчины раскланялись, и рыжебородый быстро ретировался, а муж обернулся ко мне.

— Вижу, вы успели проснуться, — холодно спросил он. — Вам что-нибудь нужно? Может, пройтись? Подышать воздухом?

— Мне бы... в уборную, — пробормотала я. — Если она здесь есть. А то в лесу, как видите, опасно... Вдруг опять упаду или покусают насекомые...

— С вашей удачей везде опасно, — съязвил Адриэн и протянул мне руки. — Выходите, здесь есть уборная. Дождёмся слугу, и я вас провожу.

— Боитесь, что заблужусь? — хмыкнула я.

— Это не таверна, и одной вам здесь ходить просто не положено, — так же холодно ответил муж.

— А оставлять меня одну в машине вы, значит, не боитесь? — в тон ему ответила я.

Адриэн посмотрел на меня так снисходительно, словно большей чуши в жизни не слышал.

— Разумеется, я запер машину, прежде чем уйти. Не хотел вас будить: за вчерашний день вы потеряли много силы, и сон точно лишним не будет.

— Вы очень добры, — криво усмехнулась я: продолжать разговор не хотелось. Такое ощущение, что Адриэн уже поставил на мне крест и теперь пытается всеми силами дать это понять.

На моё счастье из домика вышел парень с канистрой, и

Адриэн ничего мне не ответил. Протянул руки и помог спуститься. Оказавшись на земле, я поморщилась от неприятной боли в ступнях и поглубже вдохнула свежий воздух: небо заволокло облаками, но жара никуда не делась. Я прикрыла глаза. Как же эфемерна сейчас свобода...

— Нам ещё далеко ехать? — спросила я.

— Около часа, — ответил Адриэн.

— А почему лечебница находится так далеко от города?

— «Сайлентис» располагается на довольно большой территории, да и побег пациентов случаются, несмотря на сильную защиту. Никому не нужны лишние проблемы в столице, их и так хватает.

Слуга между тем закончил наполнять бак (или куда они тут заливают топливо?) и откланявшись, убежал.

— Можем идти, — сказал Адриэн и предложил мне локоть. Я оперлась на него, и мы зашагали к домику.

Внутри он оказался совсем не таким мрачным, как снаружи. Вполне светлым и чистым. Хотя что меня так удивляет? Машины здесь явно только у состоятельных людей, а их должны везде встречать по высшему разряду. Прямо напротив входа — стойка, за которой, видимо, расплачиваются за топливо, а слева стоят три столика. Сейчас за ними никого нет, но судя по запахам, витающим в воздухе, здесь и кухня имеется.

— Добрый день, госпожа. — Немолодой мужчина за стойкой встал и отвесил мне поклон.

— И вам. — Я изобразила приветливую улыбку, и мы с Адриэном двинулись мимо столиков вдоль стены.

— Здесь можно даже перекусить? — тихо поинтересовалась я.

— Неужели вы успели проголодаться? — Муж иронично выгнул брови, а я возмущённо вздохнула.

— Мне просто стало интересно. Я ведь не помню, как и где заправляют машины. А вам бы только сказать гадость.

— Разве я сказал что-то гадкое? — Муж изобразил вполне правдоподобное удивление: моими словами он явно не проникся. — Я же не изверг. Если хотите, могу заказать для вас что-нибудь.

Я не стала развивать тему и демонстративно поджала губы.

Уборная находилась в коридоре, ведущем в подсобные помещения. Маленькая, но идеально чистая и даже по-своему уютная. Светло-зелёный кафель на стенах, на закрытом соломенными жалюзи окне — горшок с явно искусственными цветами. Под потолком неяркий светильник. Управившись с делами, я долго мыла руки ароматным мылом и прокручивала в голове глупый, но приятный план: что если открыть окно и выпрыгнуть? Опыт подобных прыжков я вчера получила, всё выполнимо. И убежать, куда глаза глядят, главное, подальше от Адриэна и «Сайлентиса».

Подойдя к окну, я осторожно отодвинула одну планку жалюзи и выглянула наружу. Выходит как раз на парковку. Ну

да, план надёжен, как швейцарские часы. Я невесело рассмеялась и отошла от окна.

Разумеется, бежать я не собираюсь: мало того, что понятия не имею, куда, так ещё и Адриэн поймает меня раньше, чем смогу найти укрытие. Да что там, даже раньше, чем вообще убегу с территории заправки. А даже если бы смогла, меня всё равно стали бы искать. Ладно, хватит мечтать, пора на выход.

Адриэн, подпиравший стену напротив, смерил меня насмешливым взглядом.

— Ну наконец-то. Я уже думал, вы опять уснули или решили сбежать.

Я постаралась не выдать панику. Неужели он догадался о моих глупых мыслях?

— Я кажусь вам настолько безмозглой? — вздёрнув подбородок, спросила я. — Куда я денусь от вашей тирании? Даже если бы решилась на побег, вы бы меня мигом нашли. Так зачем тратить силы?

— То есть вы всё-таки обдумывали нечто подобное? — ухмыльнулась эта язва.

— Надеюсь, хотя бы думать мне не запрещено?

— Что-то вы сегодня разошлись не на шутку. — Адриэн протянул мне руку. — Думать о глупостях — не самое полезное занятие, Элианна.

— Лучше о глупостях, чем о вашем «Сайлентисе» и том, чему мне предстоит там подвергнуться.

— Вы поэтому стали так много дерзить? Никак не можете простить мне желание разобраться с вашей проблемой?

Я не нашлась, что ответить, а муж продолжил:

— Как я уже не раз говорил, вам не сделает ничего плохого. И, кстати, нам лучше поспешить, иначе опоздаем. Вы точно не хотите есть или пить?

Я покачала головой. При одной мысли о психушке всё тело скручивает от страха, какая уж тут еда.

— В таком случае давайте руку и вернёмся в машину.

Не спрашивая, он взял меня за руку и потянул за собой. Я поплелась следом. Через час мы уже будем в больнице. Хорошо бы, эти шестьдесят минут тянулись вечно...

Глава 9

После посещения заправки я уже не спала. Смотрела в окно, за которым изредка, кроме полей, попадались поселения: не то деревни, не то фермы. И в конце концов Адриэн свернул с шоссе на более узкую, но тоже ровную и гладкую дорогу, по правой стороне которой тянулась изгородь из сетки, а за ней располагались обширные угодья с грядками. Возле них возились люди. Слева — всё те же поля, но безо всяких ограждений. Я подалась вперёд и смотрела в окно с водительской стороны.

— Что это за изгородью? — спросила я, обернувшись к мужу.

— Здесь начинаются владения, относящиеся к «Сайлентису». Пациентов нужно кормить, а некоторые из них в лечебных целях работают на благо остальных.

— Что ж, это, наверное, лучше, чем быть привязанным к койке в палате, — пробормотала я себе под нос. — Я уж точно предпочту работать на грядках.

— Не советовал бы вам слушать всякие сплетни. Если здесь кого-то и привязывают к койке, то лишь буйных пациентов, которые могут представлять угрозу для окружающих. И перестаньте уже говорить глупости: вы здесь не останетесь. Я покачала головой и ничего не ответила. Не знаю, поче-

му, но я ему не верю. Адриэн тоже больше ничего не сказал. Огороды кончились, и начались постройки, пока больше похожие на хозяйственные. И вот наконец вдалеке показались несколько зданий в два-три этажа. Машина затормозила перед внушительного вида кованными воротами. Похоже, мы на месте.

— Приехали, — сообщил Адриэн.

Я хотела съязвить что-нибудь в духе: «Спасибо, что сказали, а то я бы ни за что не догадалась», но передумала и только кивнула в ответ. В это время из будки, стоящей прямо за воротами, появился мужчина в ливрее и загремел замками, открывая нам проезд.

Адриэн опустил стекло и холодно бросил швейцару:

— Адриэн и Элианна Норден, к господину Артису.

— Сейчас я предупрежу о вашем приезде, господин, — поклонился тот. — Вас встретят и проводят, куда нужно.

Адриэн кивнул и тронулся с места. Медленно въехал в ворота, а я отвернулась, стараясь собраться с силами. Поджилки начали трястись, к лицу прилила кровь, в ушах зашумело. Ну вот и всё. Хотя в этой обречённости есть своя прелесть: можно больше не волноваться, ведь неизбежное всё равно совсем близко, поделаться уже ничего нельзя.

Мы проехали ещё несколько метров до небольшой площадки, где уже стояло четыре машины. Может, самих работников, а может, в них приехали такие же пациенты, как я. Руки невольно сжались, а воздух в лёгких закончился. Я по-

пыталась вздохнуть, но вышло нечто жалобное. И тут мои руки накрыла ладонь мужа. Надо же, что это на него нашло?

— Не вздыхайте так, Элианна. Это всего лишь визит к целителю. Вы же не боялись так, когда ездили к Эксерсу.

— Мне тоже было страшно. Но Рониэль обычный целитель, к тому же ваш друг, — пробормотала я.

— Не думаю, что заведующий этой больницей может быть таким уж страшным, — хмыкнул Адриэн. — А теперь давайте поторопимся. Мы, конечно, приехали немного заранее, но, кажется, за нами уже идут.

Я проследила за его взглядом и увидела вдалеке быстро шагающего в нашу сторону невысокого, полноватого мужчину в целительской мантии. Судя по суетливой походке и слегка ссутуленной спине, это явно не тот целитель, к которому мы едем. Вероятно, нам просто выделили сопровождающего.

Адриэн тем временем вышел из машины, обогнул её и открыл мою дверцу. Я привычно съехала вниз, но на сей раз он не задержал меня в объятиях, а быстро отстранился и зачем-то opravил и так идеально сидящий сюртук. Я тоже расправила подол платья, чтобы не смотреть на мужа и сопровождающего, который как раз подошёл к нам и слегка поклонился.

— Добрый день, господин Норден, госпожа Норден. Моя фамилия Этъенис, я один из младших целителей. Мне велели проводить вас в кабинет господина Артиса.

— Благодарю. — Адриэн тоже слегка поклонился, а я в очередной раз задумалась о местной иерархии. Сопровождающий в бюро архивов поклона не удостоился.

— Если вы готовы, прошу следовать за мной, — кивнул Этьенис. Адриэн отвернулся к машине, явно закрывая её, а потом предложил мне локоть. Я оперлась на него с видом покорной и послушной жены. Хотя надо сказать, что внутри поселилась полнейшая апатия. Страх постепенно уступил место равнодушию.

Младший целитель пошёл впереди. Я не без любопытства оглядывалась по сторонам. Сразу за парковкой начиналась широкая аллея, обсаженная пирамидальными тополями. Ну то есть, может, здесь это называется иначе, но по виду похоже. Слева и справа от аллеи, прямо как в парке, располагался обширный газон, который пересекают многочисленные тропинки. Но в отличие от парка здесь не слышно детского смеха и разговоров. Я разглядела нескольких людей в чёрных мантиях, сопровождавших пациентов.

— Если вас или вашу супругу что-то интересует, отвечу на любые вопросы, — подал голос Этьенис, обернувшись к нам.

— Спасибо, но я неоднократно бывал в «Сайлентисе», навещал здесь близкого родственника, пока он был жив, — сухоато ответил Адриэн.

Хм, вот, значит, как? Теперь понятно, откуда у него сведения об этом месте.

— Понятно, — протянул сопровождающий. — Что ж, сочувствую, господин Норден.

— Благодарю, — всё так же равнодушно кивнул Адриэн и замолчал, явно давая понять, что не хочет развивать тему. Младший целитель тоже замолчал. Я шла, стараясь не отставать от мужа, заметно ускорившего шаг, и тут откуда-то слева раздался крик:

— Эй, куда же ты, стой! Всё равно догоню. Стой, кому сказал!

Из-за деревьев нам наперерез выскочила женщина в тёмно-сером балахоне и одном ботинке. Тёмные волосы, выбритые на висках, выбились из пучка, глаза огромные, с расширенными зрачками, кожа бледная, а всё лицо в рубцах и уродливых шрамах. Некоторые явно совсем свежие.

Мы все разом притормозили, Адриэн дёрнул меня за руку, заставляя отойти себе за спину, Этьенис встал впереди. А женщина, уставившись мне в лицо лихорадочно блестящими глазами, забормотала что-то на непонятном языке. И хотя я не понимала, что она говорит, звучало это умоляюще, будто она просила о помощи. Я вздрогнула, и тут из-за деревьев выбежал мужчина в мантии, подскочил к пациентке и схватил, скрутив ей за спиной руки.

— Простите, господин, госпожа... Случайно вышло, — запыхавшись, пробормотал он.

Женщина продолжала что-то выкрикивать, глядя мне в

глаза, и у меня по спине прошёл холодок.

— Опять Гостья шалит? — спросил Этьенис коллегу.

— Похоже, снова выплюнула зелье, — поморщился тот и перевёл взгляд на всё ещё пытавшуюся вырваться женщину. Я не поняла, что он сделал дальше, но пациентка со стоном дёрнулась и обмякла в его руках, продолжая бормотать что-то жалобное. По изуродованному лицу потекли слёзы. Сопровождающий перехватил её за талию и заставил встать прямо.

— Разве её не лишили прогулок после прошлого раза? — спросил Этьенис.

— Лишили, так времени-то прошло порядочно. Но теперь, думаю, целитель Артис снова примет меры. — Он грубовато подтолкнул женщину в сторону прогулочной зоны и заискивающе глянул на Адриэна. — Ещё раз прошу простить, господин. Надеюсь, ваша спутница не слишком испугалась?

— Всё в порядке, — холодно ответил Адриэн. — Но впредь лучше следите за вверенными вам пациентами.

Санитар закивал и увёл женщину. Та больше не сопротивлялась, шла, еле переставляя ноги, но всё-таки обернулась и снова посмотрела на меня покрасневшими глазами. Из уголка её рта тонкой струйкой потекла слюна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.